

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

Сообщения Ростовского музея

Выпуск XXIV

Ростов
2019

Проповеди Дмитрия Ростовского на память великомученицы Варвары: к вопросу изучения украинских ораторских сочинений Дмитрия Ростовского¹

М. А. Федотова

В 1909 г. (сто десять лет назад) А. А. Титов выпустил книгу «Проповеди Святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, на украинском наречии»², издание было подготовлено к 200-летию со дня смерти митрополита Дмитрия и до сих пор имеет большое значение. Безусловно, в научной литературе, начиная с работы епископа Виссариона Нечаева³, проповедническому наследию Дмитрия Ростовского, в том числе украинского периода творчества, было уделено значительное место. Большая часть проповедей была названа (иногда даже с описанием содержания) и датирована в известной монографии И. А. Шляпкина, им же часто указывалось и место произнесения многих слов, а также было уделено особое внимание некоторым украинским ораторским текстам⁴. Но первым издателем проповедей святителя Дмитрия Ростовского, сказанных на «украинском наречии» или простой мове, «первооткрывателем» этих текстов для читающей публики, без преувеличения, можно назвать Андрея Александровича Титова. До публикации А. А. Титова в журнале «Странник» была издана только одна проповедь — «Слово на Успение пресвятыя Богородицы», произнесенное в Киево-Печерской лавре 15 августа 1693 г.⁵

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ 18-012-00236 (Проповеди Дмитрия Ростовского: проблемы атрибуции и научного издания).

² Титов А. А. Проповеди Святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, на украинском наречии. М., 1909.

³ Виссарион, еп. (В. П. Нечаев). Святой Дмитрий, митрополит Ростовский. М., 1849.

⁴ Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891.

⁵ См.: Странник. 1891. Т. 2 (Август). С. 436—460. Издание было осуществлено по рукописи: РНБ, Софийское собр., № 1283, с предисловием Вл. Нестерова, в котором он призывал исследователей обратиться к поиску сочинений Дмитрия Ростовского и, в частности, писал: «Допуская, что некоторые из них (проповедей. — М. Ф.) могли быть утрачены, мы все же склонны думать, что многие проповеди святителя Дмитрия неизвестны литературе лишь потому, что ученые изыскатели доселе мало прилагали стараний к тому, чтобы извлечь из-под спуда старых книгохранилищ и внимательно пересмотреть находящиеся там драгоценные сборники творений св. Дмитрия Ростовского. Невнимание это

Впервые А. А. Титов начинает знакомить читателя с украинскими проповедями Дмитрия Ростовского, встречающимися в сборниках его огромного собрания, ныне хранящегося в Российской национальной библиотеке⁶, в работе «Новые данные о святителе Димитрии Ростовском»⁷. А. А. Титов на стр. 25–28 делает выписки из четырех украинских проповедей: «Слова в неделю 7 по Пасце»; «Слова на Святую Троицу»; «Слова на сошествие Святаго Духа» и «Слова на собор архистратига Михаила». Продолжением этой работы и стало издание 1909 года – «Проповеди Святителя Димитрия, митрополита Ростовского, на украинском наречии». Ценность его заключается именно в том, что издатель с максимальной точностью сохранил язык оригинала: проповеди, произнесенные святителем Димитрием на Украине, впервые были изданы на «украинском наречии», и всего Титовым было опубликовано 8 проповедей по рукописям собственного собрания. К уже известным в научной литературе текстам было добавлено «Слово в неделю 27, о жене сляченной» (собр. А. А. Титова, № 608, л. 24–37), которое впервые было введено в научный оборот и атрибутировано Димитрию Ростовскому. «Все помещенные ниже проповеди, – писал издатель, – взяты из рукописей, находящихся в моем собрании <...> Тексты их не представляют собой точной копии

разве отчасти может быть объяснено трудностью разыскивания рукописей в различных местах служения св. Димитрия, а также тем обстоятельством, что литература располагает уже достаточно большим наличным количеством творений этого святителя, сделавших его имя незабвенным и славным для Отечества» (Там же. С. 432–433).

- ⁶ См.: Охранный каталог славяно-русских рукописей А. А. Титова, действительного члена Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете, члена-корреспондента Московского археологического общества и Общества любителей древней письменности. Ростов, 1881–1895. Вып. 1–6; Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании члена-корреспондента Имп. Общества любителей древней письменности А. А. Титова. СПб.; М., 1893–1913. Т. 1–6: Т. 1, ч. 1: Священное писание, толкование Священного Писания и каноническое право. 1893; Т. 1, ч. 2: Книги богослужебные. 1901; Т. 2: Отцы церкви. 1900; Т. 3: История церкви. 1902; Т. 4: Системы богословские. 1901; Т. 5: История церкви. 1906; Т. 6: Сборники и рукописи Бодянского, прот. Диева и Мельникова-Печерского. 1913.
- ⁷ Новые данные о святителе Димитрии Ростовском. С рисунком. Члена-корреспондента Московского археологического общества и Общества любителей древней письменности А. А. Титова. М., 1881. О публикации можно сказать еще следующее: здесь А. А. Титов публикует (с. 14–21) по списку своего собрания (№ 1302), хотя и неполному, школьную драму «Венец Димитрию», входящую в репертуар ростовского театра «эпохи» святителя Димитрия и созданную, по мнению П. Н. Беркова, учителем Евфимием Морозиним. См.: *Берков П. Н.* Школьная драма «Венец Димитрию» (1704 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 323–357. Отметим, что известно всего два списка данной пьесы, второй список читается в рукописи ГИМ, Музейское собр., № 1199, л. 1–31. Драма, созданная на сюжет жития святого Димитрия Солунского, была поставлена в Ростове 24 октября 1704 г. в день именин ростовского митрополита. В данном издании также упоминается о кантах 1757 г., написанных в честь святителя Димитрия при ростовском митрополите Арсении Мацеевиче.

с какого-либо одного списка. Тексты эти были сверены сначала мною, затем профессором Киевской духовной академии Н. И. Петровым, который исправил орфографию и интерпункцию текста, значительно пострадавшую в этом отношении, благодаря незнакомству великорусских переписчиков сочинений святителя с украинским наречием и эрудицией автора»⁸. Можно проследить работу издателя над своей книгой. В собрании А. А. Титова имеется рукописная тетрадь № 4558 (2°, 204 л., без кон., не ранее 1892 г., скрп., картонный переплет) с 7-ю украинскими проповедями (в рукописи еще нет «Слова в неделю 27, о жене сляченной»), которая была корректурным экземпляром издания. Следующий этап работы над книгой – рукопись № 4835 (4°, 336 л., 1909 г., скрп., картонный переплет): это уже правленая корректура с предисловием издателя – рукопись, подготовленная к изданию. Благодаря этим рукописям можно определить издательские принципы и отметить особенности публикации. К рукописи № 4558 приложено письмо Н. И. Петрова от 3 января 1892 г. В письме Н. И. Петров сообщает издателю, что им было сверено «Слово в неделю 7 по Пасце», «Брань архистратига Михаила» и проповедь «Пирамис албо столп» по печатному изданию (Киев, 1824, Ч. 1–4), а «Слово на Святую Троицу», «Слово на сошествие Святого Духа» и «Слово на Рождество Христово» по рукописным спискам Церковно-археологического музея⁹. При подготовке рукописи к изданию исследователи делали вставки пропущенных слов и даже фраз, давали свою пунктуацию, Н. И. Петровым были выделены цитаты из Священного Писания. При издании, например, «Слова на Успение пресвятыя Богородицы» (по рукописи № 3557) А. А. Титов пометил для наборщика (л. 138): «Буквы “оу” заменить простым “у”, латинские цитаты опустить, слова, написанные крупно, писать немного покрупнее, знаки препинания по поправкам», что и было выполнено. Порядок проповедей в рукописи не соответствует порядку в издании, который был определен А. А. Титовым.

Это издание проповедей в полной мере было учтено нами при работе над диссертацией «Ораторская проза Димитрия Ростовского (украинский период: 1670–1700 гг.)» (1995 г.)¹⁰, в которой, как следует из названия работы, был представлен текстологический, источниковедческий и стилистический анализ украинских проповедей святителя; к ним были отнесены следующие тексты¹¹:

⁸ *Титов А. А.* Проповеди Святителя Димитрия, митрополита Ростовского, на украинском наречии. С. II–III.

⁹ Вероятно, имеется в виду список Национальной библиотеки Украины, ДА/П-292.

¹⁰ См. две основные статьи по теме диссертации: *Федотова М. А.* 1) Украинские проповеди Димитрия Ростовского и их рукописная традиция. Статья 1. // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 253–288; 2) Украинские проповеди Димитрия Ростовского (1670–1700 гг.) и их рукописная традиция. Статья 2. // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 409–431.

¹¹ См. также дополнения: *Федотова М. А.* Каталог проповедей Димитрия Ростовского // Русское богословие: исследования и материалы. 2015. М., 2015. С. 66–72.

1. «Казание на страсти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа»¹² (Чернигов, 13 апреля 1677 г., тема: «Все проходящие путь обратятся и видятся, аще есть болѣзнь, яко болѣзнь моя. Ты слова болѣзнуючий пророк Иеремия во образѣ болѣзнуючого нынѣ Христа в главѣ первой тренов». <Иер. 1: 12>, нач.: «Кто ж колвек того болѣзненнаго жития путь проходишь, застоновися тут...»);

2. «Пирамис albo столп во блаженной памяти преставленнаго висоцѣ в Богу превелебнаго его милости господина отца Иннокентия Гизеля, архимандрита святой великой чудотворной лавры Печерской Киевской, ку вѣчной памяти в год по погребении его при соборной понахидѣ, проповѣдию слова Божого поставленный року 1685 мѣсяца февруария в 24» (Успенский собор Киево-Печерской лавры, 24 февраля 1685 г., тема: «Во вѣки память его в благословение» <1 Мак. 3: 7>; «Не отгидет память его, и имя его поживет в род и род, премудрость его повѣствуют языцы, и хвалу его исповѣсть церковь» <Сир. 39: 12–13>, нач.: «Смерть а час на то настоят здавна, абы и людие и их памяти пречѣ гладили з свѣта, слухачу презацный...»);

3. «Слово на Сошествие святого Духа» (Киевский Кирилловский монастырь, 4 июня 1693 г., тема: «Слава Отцу и Сыну и святому Духу», нач.: «Ним сподобится з нас кто колис Бога во Троицы единого Отца и Сына и святого Духа славити со ангелом в небѣ...»);

4. «Слово на Успение пресвятыя Богородицы» (Киево-Печерская лавра, 15 августа 1693 г., тема: «Соберет пшеницу свою в житницу свою» <Мф. 3: 12; Лк. 3: 17>, нач.: «В месяцу серпню, в самый час жнива, гды в полю пожатые колоссы в снопы вяжут, в житницы звоят...»);

5. «Брань святого архистратига Михаила, воеводы сил небесных, и ангелов его с седмоглавым змием» (Киевский Михайловский Златоверхий монастырь, 8 ноября 1696 г., тема: «Ополчился ангел Господень окрест боящихся Господа» <Пс. 33: 8>; «Пришедшу Иисусови в страну Гадаринскую» <Лк. 8: 26>; «Михаил и ангелы его брань сотвориша с змием» <Откр. 12: 7>, нач.: «Давняя небесных духов на небѣ бывшая з Люципером война обновилася на земли в странѣ Гадаринской, слухачу презацный...»);

6. «Слово на Святую Троицу» (Батулин, 12 июня 1698 г., тема: «Поклонѣмся Отцу и его Сынови и святому Духу, святой Троицѣ», нач.: «В нынѣшний пресвятой единосущный, животворящий и нераздѣльной Троицы праздник кланяючися и цѣлюючи икону святую, на которой Троица святая...»);

7. «Слово на Рождество Христово» (Чернигов, 25 декабря 1698 г., тема: «Таинство странное вижду и преславно: небо сушу пещеру. Ирмос 9-й песни», нач.: «Выдался Бог з секретов, з таинств, слухачу православный. Недивно. Пришол межи люде, на земли явися и с человек поживе...»);

¹² В диссертации проповедь была впервые введена в научный оборот как сочинение украинского периода творчества митрополита.

8. «Слово в недѣлю 7 по Пасце» (время и место произнесения неизвестно, тема: «Се есть живот вѣчный, да знают тебе единого истиннаго Бога <Ин. 17: 3>. Слова суть Христа Спасителя нашего к Богу Отцу, в нынѣшнем Евангелии читанная», нач.: «То все щастие христіанскаго челоуѣка, то вся духовная утѣха, то вся надежда спасения и самое спасение, то первое чаяние живота вѣчнаго и самы живот вѣчны...»);

9. «Слово в недѣлю 27, о жене сляченной» (время и место произнесения неизвестно, тема: обозначена ссылкой «Лука 13, зачало 11» <Лк. 13:11>, нач.: «Гость едем в богоспасаемом сем вашем градѣ, слышателю мой возлюбленный, а гость теда вдячен, если з гостинцом...»).

Почти все эти тексты или читаются в авторизованных рукописях Димитрия Ростовского, которые имеют собственноручные маргиналии митрополита, или имеются в списках, вышедших из ростовского скриптория и отражающих его правку; по этим рукописным спискам, на наш взгляд, следует публиковать их в будущих изданиях.

В диссертационной работе мы впервые ввели в научный оборот сборник проповедей Димитрия Ростовского, хранящийся в РНБ в Основном собрании – Q.I.269 (4°, 215 л., перв. четв. XVIII в. (не ранее 1706 г.)). Названия проповедей написаны в данной рукописи по-латински, что встречается впервые в сборнике со словами Димитрия Ростовского, ряд слов в нем совершенно определенно принадлежит Димитрию Ростовскому, эти проповеди давно известны и изданы, атрибуции других еще требует уточнения. Некоторые из них, не известные и читаемые только в этой рукописи, на наш взгляд, по своим стилистическим признакам, характерным маргиналиям, ссылкам на западные источники, указанным датам и месту произнесения, могут принадлежать Димитрию Ростовскому¹³. Например, четыре слова из сборника проповедей наиболее близки к этим характеристикам: «Слово на Рождество Христово», «Слово второе на Благовещение блаженной Девы» и две проповеди на день памяти святой Варвары-мученицы. Однако, как нам кажется, только два последних слова – проповеди на день памяти святой Варвары – бесспорно, можно причислить к сочинениям Димитрия Ростовского, о них и пойдет речь далее.

Как известно, для творчества Димитрия Ростовского образ святой Варвары-мученицы играет важную роль, можно сказать, что Димитрий, вслед за своим духовным наставником Мелетием Дзиком¹⁴, избирает ее

¹³ См. описание рукописи: Федотова М. А. Украинские проповеди Димитрия Ростовского (1670–1700 гг.) и их рукописная традиция. Статья 2. С. 425–431.

¹⁴ Отметим, что Мелетий Дзик был похоронен в Киевском Михайловском Златоверхом храме «под святой Варварою» (в соборе хранилась частица мощей великомученицы Варвары), о чем под 1682 г. читаем в Летописной редакции «Диариуша» святителя Димитрия Ростовского: «Февраля 7 во вторник по утренни преставилься игумен мой Мелетий Дзѣк в монастыру Киевском Михаила Золотоверхого. Там же и погребен в церквѣ под святою Варварою» (см.: ЦНБ АНУ, 345/162 Л, л. 128).

своей небесной защитницей и просительницей. В Основной редакции «Диариуша» святителя под 1685 г. читается пространное видение святой великомученицы Варвары¹⁵, здесь же под 13 января 1691 г. помещен текст о перенесении частицы мощей святой в Батури́нский монастырь¹⁶; для «Книги Житий святых» (Т. 2: декабрь-февраль) Димитрий Ростовский составляет два сочинения, посвященных святой Варваре: «Житие и страдание святой великомученицы Варвары» и повесть «О честных мощех святых великомученицы Варвары». «Житие и страдание...» написано на основе, во-первых, Жития святой Варвары в редакции Симеона Метафраста в латинском переводе Моисея Липомана и редакции Петра Галезия, составленной по двум гомилиям Иоанна Дамаскина и Арсения Керкирского, обе редакции читаются в сборнике “De probatis Sanctorum Historiis...” Лаврентия Сурия, хорошо известном святителю Димитрию. Во-вторых, источником «Жития и страдания...» был польский перевод редакции Галезия, выполненный Петром Скаргой и помещенный в польском издании его «Житий святых»: перевод считается оригинальной редакцией польского агиографа. И, наконец, святитель пользовался редакцией, вошедшей в Великие Четы Миней. Источником следующего за Житием текста — «О честных мощех святых великомученицы Варвары» — была повесть Феодосия Софоновича, созданная в 1669–1670 гг., дополненная и переработанная святителем Димитрием. Ростовскому митрополиту приписывается также «Вънецъ от дванадесят звѣзд святой Варварѣ, от молитвъ к ней о крайнем доброй смерти дарѣ». Таким образом, святой Варваре-великомученице Димитрием посвящен целый корпус сочинений, разнообразных по содержанию и принадлежащих к различным литературным жанрам¹⁷.

Для нас из всех этих текстов в контексте данной статьи важны события, связанные с перенесением мощей святой Варвары: так, во время своего второго игуменства в Батури́нском Свято-Николаевском Крупицком монастыре, которое продолжалось с 1686 по 1692 г., Димитрием Ростовским с разрешения Ивана Мазепы 13 января 1691 г. был организован перенос из казенной палаты гетмана в Батури́нский монастырь частицы мощей великомученицы Варвары. Об этом событии в «Диариуше» святителя Димитрия под 1691 г. читаем:

“Януар. в 13 день. Пренесена бысть славно в монастырь Батури́нскій значная часть мощей святой великомученицы Варвары, самая персь, оправлена в образ сръбный, що лежала в скарбцу войсковомъ в Батури́нѣ, а досталося то до скарбцу войскового по блаженной памяти Юсифу Тукальскомъ, митрополитѣ Кіевском, в Чигиринѣ преставлшомся, и

¹⁵ РНБ, ОСРК. Q.IV.186, л. 8 об.—9 об.

¹⁶ РНБ, ОСРК. Q.IV.186, л. 19 об.

¹⁷ См. подробнее об этих текстах и их источниках: *Федотова М. А.* Культ святой Варвары в творчестве Димитрия Ростовского // Русская литература. СПб., 1999. № 4. С. 98–108.

было то нибы подъ спудомъ сокровенно, мало кому свѣдомо. А жь сего року за многимъ моимъ моленіемъ и за немалымъ стараніемъ моимъ ясневелможный его милость панъ Иванъ Мазепа, гетманъ их царского пресвѣтлаго величества, отдалъ то в монастырь нашъ, и принесенъ з Батурина до монастыря з процессією знаменитою со множествомъ народа, и уставлен по вся вторники пѣти молебень святой великомученицѣ Варварѣ»¹⁸.

Перенесение мощей святой Варвары, санкционированное гетманом Мазепой, было заключительным аккордом, как бы исполнением пророческого видения 10 августа 1685 г., когда Димитрий во сне сожалел, что мощи святой «лежат в убогой и обветшалой раке»¹⁹. Именно в Батурином Николе-Крупницком монастыре, куда были перенесены мощи святой, святитель Димитрий и произнес обе проповеди на память святой Варвары, помещенные в составе сборника РНБ, Q.I.269:

Л. 185–191 (рис. 1) – Слово на память великомученицы Варвары («Contio pro Festo Sanctas Barbaras Martiris»; тема: «Уподобися царствие небесное дѣвам. Матфей, зачало 104» <Мф. 25: 1>, нач.: «Выбачьте ми пять мудрыи евангельския дѣвы, о вас мовльлю...»). Проповедь произнесена в Батурином Николе-Крупницком монастыре 4 декабря 1692 г., о чем сказано в конце текста: «...казанием оголошенна року 1692 месяца декабря 4 в манастиру Батуриньскомъ».

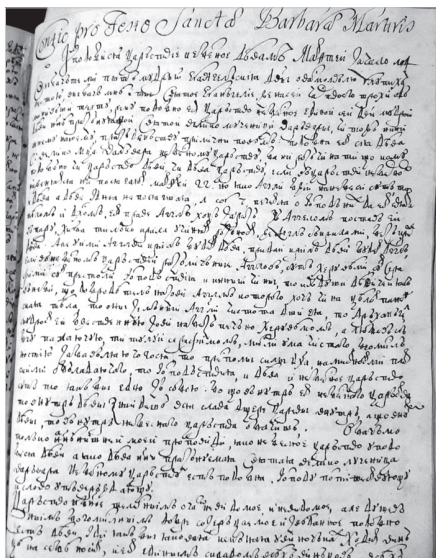
Л. 191–197 об., без кон. (рис. 2) – Слово <второе> на память великомученицы Варвары. («Alia contio pro eodem Festo S. Bar.»; тема: «Агница твоя Варъвара зовет велимъ гласомъ: “Тебе, женише мой, люблю, и тебе ищущи, стражду и сораспинаюся”» <Тропарь мученице>, нач.: «В нишний день пятковый в посрод двоих страстных страшных видоков стояти мнюся...»). Проповедь произнесена там же, вероятно, 4 декабря 1693 г.²⁰ Фразы «В нинешни день пятковый в посродь страстных страшных видоковъ стояти мнюся, слухачу мой (п)резацный» (л. 191) и «В сей день декавьрия четъвертьгый, въ который усичеся честная глава святой великомученицы Варъвари, гди сей къ тным обхожъжденіемъ прилучилъся день пятковый крестный...» (л. 196 об.) свидетельствуют, что проповедь была произнесена 4 декабря, который выпадал на пятницу, что соответствует 1693 г. Димитрий Ростовский, как известно, 14 февраля 1692 г. оставил настоятельство в Батурином монастыре, но поселился рядом в отдельной келье, в «пустыни», чтобы полностью сосредоточиться на агиографической работе, и только 9 мая следующего года он переехал в Киево-Печерский монастырь, чтобы лично наблюдать за печатанием 2-го тома «Книги житий святых», а позже в середине 1694 г.

¹⁸ РНБ, ОСРК. Q.IV.186, л. 19 об.

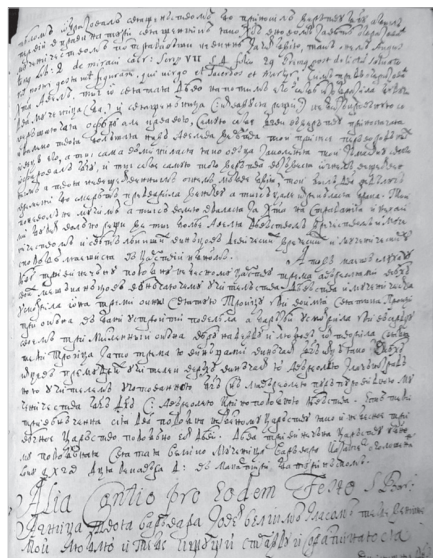
¹⁹ Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время. С. 241–242.

²⁰ Ранее мы полагали, что проповедь произнесена в 1693 г., см.: Федотова М. А. Украинские проповеди Димитрия Ростовского (1670–1700 гг.) и их рукописная традиция. Статья 2. С. 422–423.

был избран игуменом Глуховского Петропавловского монастыря, а 22 июня прибыл в Глухов²¹. В связи с этим произнесение обоих слов на память святой Варвары в Батурином монастыре Димитрием Ростовским вполне очевидно.

Ил. 1. Contio pro Festo Sanctae Barbarae Martiris (Q.I.269, л. 185).

Ил. 2. Alia contio pro eodem Festo S. Bar. (Q.I.269, л. 191).

О том, что эти проповеди были произнесены именно Димитрием Ростовским, свидетельствует также его авторский стиль: грамматические конструкции, стилистические приемы, построение фраз, присущий только ему набор слов, выражений, оборотов речи. Безусловно, индивидуальный стиль Димитрия Ростовского, как стиль любого крупного художника или писателя, позволяет нам узнавать его сочинения по совокупности использованных приемов, однако, следует признать, что авторский стиль может быть не только индивидуальным, но и характерным, типичным для определенного литературного направления, периода литературной истории, а потому проповеди Димитрия Ростовского, произнесенные на день памяти великомученицы Варвары, отражают стиль своей эпохи, строго следуют правилам ораторского искусства и являются образцами, без сомнения, ярчайшими образцами, барочной поэтики.

В современных исследованиях убедительно доказано и показано использование восточнославянскими барочными авторами в своих сочинениях экзегетических католических трудов. Димитрий Ростовский не был в их ряду исключением: в большинстве своих творений («Келейном летописце», «Розыске о раскольнической брынской вере», трактатах и

²¹ РНБ, ОСПК. Q.IV.186, л. 21.

проповедях) он использовал труды и богословские достижения латиноязычных авторов²², правда, обращение это было вполне определенным, можно сказать, «конкретным» — использовались комментарии к библейской истории и географии, по латинским источникам цитировались святые отцы церкви, делались ссылки на античные мифы и на античных авторов. Для проповедей Димитрия Ростовского наиболее значимыми и цитируемыми, как показывают исследования, являются труды иезуитских авторов Корнелия а Лапиде, Франциска де Мендозы, Дидакуса де Безы, а также ораторские концепты польского проповедника Фомы Млодзяновского.

Ряд таких примеров мы находим и в рассматриваемых проповедях на память святой Варвары: святой Амбросий Медиоланский, Василий Великий, Иоанн Златоуст, святой Киприан и даже Плутарх цитируются по книгам Корнелия а Лапиде, что показывают авторские ссылки: «Ambrosi in Luc. Cap. 2, citatus Cor. a Lapi(de). in Prof. Danielis caput 20 ver. 3 folio 1323 л. 4» (л. 187), «Не дарьмо святой Василий Великий [Libro de uero uirginitate, citatus Cornelio, in Isaias, cap. 56, ver. 5 folio 406» (л. 188 об.), «s. Киприяна [citatur a Cor. A Lapide in Mat. Cap. 27, v. 35, fol. 535 NB» (л. 195), «Plutas et aliis a Cor. Citat. in Escohius cap. 14, fol. 26 et лист 116 20 А» (л. 195).

Обе проповеди отражают в той или иной степени содержание Жития святой Варвары, причем показательно, что как в тексте Жития, так и в проповедях Димитрий указывает два основных своих источника — Житие святой Варвары в редакции Симеона Метафраста и гомилию Иоанна Дамаскина. Кроме того, во второй проповеди делается акцент на заступничество великомученицы Варвары от внезапной смерти и смерти без причащения, что было также предметом чудес от мощей святой Варвары, которые записывал сам святитель Димитрий²³: «Кто к ней притикает под еи заступленіе, тому недопустит нечаянную смертъю без исповиди и причащенію пречистых таин из свѣта съходити», — пишет митрополит в своей проповеди (л. 195 об.). Тем не менее, следует сказать, что данные проповеди не изобилуют биографическими сведениями о святой (рассказ о жизни святого вообще не является целью ораторского сочинения

²² См.: *Bercoff Brogi. The «Letopisec» of Dimitrij Tuptalo, the metropolitan of Rostov, in the context of western European culture // Ricerche slavistiche. 1992–1993/1. Vol. XXXIX–XL. P. 293–364; Янковска Л. А. Литературно-богословское наследие святителя Димитрия Ростовского: восприятие иезуитской науки XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1994. См. также статьи А. В. Волкова: Волков А. В. 1) Келейный летописец Димитрия Ростовского и «Словарь личных имен» Конрада Геснера // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. №53. С. 29–30; 2) «Келейный летописец» Димитрия Ростовского и «Всемирная хроника» Иоанна Навклира // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III. Филология. 2014. № 3 (38). С. 51–68.*

²³ Федотова М. А. Культ святой Варвары в творчестве Димитрия Ростовского. С. 105–106.

как жанра): в ряду образов читатель находит имя мучителя отца («...гди бовѣмъ отецъ еи Диоскор казавѣши будовати баню» (л. 187), «...бѣглыи мищанинѣ елиопонѣский Диоскор...» (л. 189), «Слушне Диоскоре юной той отроковици...» (л. 193)), место мучений святой («Зѣ стороны другой, стае ми Египет зѣ значѣнымъ своимъ Гелиополемъ градомъ...» (л. 191)) и некоторые другие факты биографии. Подробно и символически в первой проповеди «прокомментированы» строительство бани, имеющей, по велению святой, три прорубленных окна, и мученическая кончина великомученицы от руки собственного отца, но и эти два эпизода гармонично вписаны в метафорическую картину и структуру рассматриваемых ораторских сочинений²⁴.

Доминанта первого текста – уподобление царства небесного деве, великомученице Варваре («Уподобися царствіе небесное дѣвамъ»), второго – Варвара есть агница Христова («Агница твоя Варьвара зовет велимъ гласомъ тебе: “Женише мой, люблю, и тебе ищущи, стражду и сораспинаюся”»), обе доминанты обозначены уже в темах проповедей. Барочные концепты, используемые Димитрием Ростовским в обеих проповедях, соединение несочетаемых, несвязанных образов и понятий только на первый взгляд кажутся тяжеловесными, случайными и непонятными: уже в раннем творчестве святитель удивительно логично и последовательно выстраивал и организовывал свои тексты. Если, как видим в первой проповеди, главный образ и главный концепт – это «небесное царство», которое есть «панна», то она как царица должна быть и «винцами увинчанная», по святителю – «винцемъ учительскимъ, винцемъ дивическим и винцемъ мученическим». Мы видим, что вокруг этой метафоры плетется изящная паутина и тонкое кружево, на этот образ наслаиваются другие, не менее тонкие и оригинальные, порой окказиональные²⁵, но в конце автор все равно

²⁴ В первом случае в проповеди читаем: «Внемъли, отче мой, и разумѣй, яже глаголю: три ипостаси единаго во Троици Бога, живушаго въ свѣти неприступномъ, просвищающѣ и оживляющѣ всякое создание, Отецъ и Сынъ, и Духъ свѣтый, того ради триемъ окнамъ повелѣлъ въ бани быти, да едино сие (показуячи пальцемъ) виобразаетъ Отца, другое – Сына, третее – Духа свѣтого, яко да истиннѣ имя пресвѣтыя Троици прославляють» (л. 187); во втором говорится так: «Она же ятея бѣгу, а Диоскор, аки вольков ю гоняше, - и то тернѣ, окрыт въ пещери, ят ю и начат бити немилостивно - и то тернѣ, ударивѣши ею о землю, ногами попираше - и то тернѣ, за вѣласи похитивѣши, влачаше ку домови своему по пути жестоком – и то тернѣ, а тернѣ баръзо оstri, таже затъвери ю во храмини мали и темни, и затъвори двери и окъна, запечатлѣвъ печатию, пристави стражъ и мораше ю гладомъ и жаждою – о, то жѣ и огороду тернову...» (л. 190).

²⁵ См., например: «Уже то тамъ свѣтая Варьвара, свѣтая Екатерина, свѣтая Параскевѣя и прочіи дѣвы суть дѣви, але и мушизѣни, що свѣтыи, то дѣва: свѣтый Предитеча – дѣва, свѣтый Богослов – дѣва, свѣтый Николай – дѣва, Дамаскин, Сава, Амбросій, Потапій и инни свѣтыи – все то дѣвы. “Объручихъ васъ дѣву”. Однимъ словомъ, все небесное царство есть дѣвою, дивичество всѣмъ небеснымъ царствомъ завладѣло, подобно есть царство небесное дѣвамъ, а дѣвамъ, вѣнцѣи увинчаннѣмъ» (л. 185 об.).

возвращает нить повествования к начальному образу — «Есть теди тривѣнъченна сія дѣва подобна небесному царьству, яко и небесное тривѣчное царство подобно есть дѣви». Еще большая свобода образов задана во второй проповеди, в которой «святая великомученица Варвара Христу, жениху своему возлюбленному, состраждет и сораспинается». Здесь любовь («...а любовь на все отважна, любви страшнаго нѣт ничего...»), для доказательства которой святитель приводит немало ярких образцов и примеров («Кто въспомънит на одвагу двоих истинных друголюбъцовъ Пиляда и Ореста?»), от всеобщей любви автор движется к любви Христовой, который «любячи нас... на крестѣ распятыя», и вокруг креста «начинается движение» проповеди, потому что «креста Христова матерья ведлуг церковьнаго разумѣнъя была кедръ, кипарисъ и певгъ», и на «матерыи» нанизываются новые образы и новые сравнения.

Нельзя не упомянуть и об особом стиле уже ранних проповедей святителя, стиле, без сомнения, заимствованном у польского проповедника Фомы Млодзяновского²⁶. Это стиль непринужденной беседы, образного разговора, театрального диалога. «Театральностью», визуальностью отличаются обе проповеди. Перед нами, например, яркий образ прекрасной Суламифи (Суламиты) из первой проповеди (л. 186):

«Възято разъ девицу красную, сулямифаньку, на смерть до палацовъ цара Соломона. Ктос збоку, приглядуячися, другому мовит [Canticogum 7]: «Что видиши у Суламити? Нечто теж видишь особъливъшаго в сей паненьце?» Одповидает той: «Наибаръзѣй, - мовит, - здобит ей тое устроение, же ся такъ прибрала, якъ бы до бою, вижду, яко лики полька, чи то якас отважная Юдифъга, чи валечная Девора, чи Иаиле смѣлая, амажонька то якась, праве, не до покою, але до бою, не до палацовъ, але до криваваго пляцу, до Марьса баръзѣй, нижъ до царьских маючися делицѣи». Але то было прообразование царьства небеснаго, девици подобнаго, Сулямитис бовѣм толкуется мѣрно или совершена, или въздающая».

Или почти зримый образ двух братьев из древнегреческой мифологии — Ореста и Пилада (л. 192):

«Кто въспомънит на одвагу двоих истинных друголюбъцовъ Пиляда и Ореста? Ищет тиран Ореста на смерть. Пилядесъ, своимъ горьломъ Орестовъ живот хотячи заступити, мовит: “Я Орест, мене убійте”. Орестесъ, видячи друга своего, на смерть за него въдаю-

²⁶ См.: Федотова М. А. О двух источниках ранних проповедей Димитрия Ростовского (Фома Млодзяновский и Корнелий а Ляпиде) // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 343–350. См. об этом также ценные наблюдения и характеристики в работе А. О. Крылова: Крылов А. О. Митрополит Димитрий Ростовский в церковной и культурной жизни России второй половины XVII — начала XVIII вв. Дис. ... канд. ист. наук. С. 238–239. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Krilov.pdf> (дата обращения — 30.07.2019).

шагося, а хотячи невиннаго выбавити, по правды кажет: “Я естем Орестесь, мене имѣти”. И той себе твердит быти Ореста, и той Орестом ся кажет, на смерть вьдается, бы друга своего любимаго оборонилъ от смерти. То любовь правдивая умѣеть такъ, есть от-важна, же ей и смерть не страшна. Недарьмо речемо [Cantico, 8]: “Крѣпка яко смерть любви”».

Беседу или диалог святитель Димитрий вводит, с одной стороны, постоянно, с другой – умеренно вплетает в общий образный строй. В постоянном диалоге находится святая великомученица Варвара со Христом: «“Стражду, - мовит, - тебе ради, яко да царствую с тобою”» (л. 191), «Завет велегласно святая великомученица Варьвара ко Христу Господу: “Тебе, женише мой, люблю”» (л. 192). Особо любимыми «собеседниками» в проповедях на память святой Варвары являются апостол Павел и Иоанн Златоуст, которые и между собой находятся в непрерывном диалоге. Приведем один пространный пример (л. 192):

«Недарьмо Златоустый святый барзѣй съхотѣль быти зъ святымъ Павломъ въ темьници, нижь в неби, въ свериках, нижь въ венцах, въ безъчестіи, нижь въ слави. И мовит: “Гди бы такъ хто запитал, чога съхошешъ лѣпшыей – чи неба, чи ланьцуха, которымъ былъ Павел зкованый, а гди бы ми кто небо даровалъ или веригу ону?” [На послание ко ефесеомъ, глава 4 бесѣда 8.] Вся безъсѣда и нравоученіе о томъ. Оную ажъ предъпочелъ бымъ, барзей бымъ // за веригу хватилъся, нижь за небо. Аще бы мя кто со аггели поставилъ гори или со Павломъ связаннимъ, темьницу бымъ изволилъ. Барзди бым хотѣль быти Павломъ зъ темьници, за Христа сидячимъ, нижь аггеломъ въ неби, Христови предъстоячимъ. Аще бы мя кто сотворилъ единаго от оныхъ силъ, иже окрест небеси и иже окрест престола сухих, или юздъника сего, так овь бымъ изволилъ бити юзъник, не минялъ бымъся юзами Павловыми и на самыхъ херувѣмовъ. А то чому? Святый Златоусте, чи не лѣпше же быти въ неби, нижь въ темьници, на свободи, нижь во оковах, межи аггели, нежь межи вязни? “Не лучьшейму, - мовит. - Чему ничтоже лучьшее [ibidem] есть, от еже зло страдати что Христа ради. Не машъ, - мовит, - лѣпшой рѣчи над тое, терпѣти, шо страдати, умирати за Христа”. I если теди то такъ есть, же страданіе святыхъ лучьше неба, не зазжру тебѣ, святый апостоле Павле, до третяго небеси восъхищенія, могучи въ страданіяхъ святыхъ и самое емьпирейское видити небо».

Таким образом, уже из этих немногочисленных примеров видно, что обе проповеди риторически украшены, насыщены библейскими иносказаниями и цитатами, сравнениями, изречениями святых отцов, т. е. они построены по всем правилам риторического искусства, эстетическим канонам барокко с его поэтическими образами, формами и идеями.

Обе проповеди на память святой Варвары в сборнике РНБ, Q.I.269

написаны одним почерком, южнорусской скорописью. Писец, переписавший текст святителя Димитрия, образованного книжника и умелого проповедника, и сам, вероятно, был грамотным человеком в отличие от «великорусских переписчиков сочинений святителя», незнакомых «с украинским наречием и эрудицией автора», из-за которых, по мнению Н. И. Петрова, как мы цитировали выше, во многом пострадали списки с украинскими проповедями Димитрия Ростовского. Он, вероятно, хорошо владел латынью, так как ссылки на библейские источники у него перемежаются, встречаются и кириллические и латинские написания: [Судий, 9], [Рим.] [Icaia 14 глава] [Geneseos, 3] [Exod, 15], [Cantico 8] [Арос., 3], в сам текст введены латинские цитаты и ссылки на латиноязычных авторов (см. примеры выше) в отличие от большинства других списков с украинскими проповедями, где мы читаем маргиналии на полях.

Обе проповеди в сборнике написаны на просто мове — языке, на котором происходило общение в украинский период жизни и церковного служения святителя Димитрия. Опуская характеристику простой мовы, взаимовлияние ее устной и письменной форм, территориальное распространение и использование в различных жанрах письменной культуры²⁷, заметим вслед за исследователями, что в XVII веке это был «в известной степени искусственный язык, имеющий наддиалектный характер, но благодаря именно этому наддиалектному характеру, он мог обслужить сперва только деловые, но впоследствии — особенно в XVI—XVII вв. — также и литературные и отчасти даже культовые потребности украинского и белорусского населения Польско-Литовского государства»²⁸. В сборнике РНБ, Q.I.269 в целом, и в случае проповедей на память святой великомученицы Варвары в частности, графика, по нашим наблюдениям, имеет некоторые особенности: буквы не всегда последовательно отражают звуковой строй, некоторые графемы, например *ї*, не несут на себе какой-либо фонетической нагрузки²⁹. Трудно ответить на вопрос, является ли это отражением диалектных черт украинского типа речи автора проповедей, т.е. Димитрия Ростовского, или является индивидуальной особенностью писца рукописи.

В Приложении мы публикуем обе проповеди на память великомученицы Варвары — «Слово на память великомученицы Варвары» (*Contio pro Festo Sanctas Barbaras Martiris*) и «Слово <второе> на память великомученицы Варвары (*Alia contio pro eodem Festo S. Bar.*). При публикации

²⁷ Иванов В. В. Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского // Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 258–288.

²⁸ Золтан Андраш. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам* М., 2014. С. 37.

²⁹ Искренне благодарю за консультации сотрудника ИЛИ РАН канд. филол. наук К. И. Коваленко.

полностью сохранена орфография оригинала, за исключением буквы *ï*, она заменена на *и* без грависа, титлы раскрываются, некоторые авторские сокращения раскрыты в круглых скобках (например, с(лушители), с(вятая)), иногда круглые скобки используются писцом рукописи (они сохранены полностью), пунктуация современная, латинские цитаты, в отличие от публикации А. А. Титова, не опускаются, но берутся в квадратные скобки³⁰, в квадратные скобки заключаются и ссылки на библейские цитаты, которые в оригинале никак не маркированы, другие библейские цитаты не определяются и не комментируются.

³⁰ Искренне благодарю за помощь в прочтении латинской скорописи доцента Кафедры классической филологии СПбГУ канд. филол. наук Е. В. Желтову.

Слово на память великомученицы Варвары Contio pro Festo Sanctas Barbaras Martiris

Тема: «Уподобися царствіе небесное дѣвам. Матфтей, зачало 104»¹

(л. 185) Выбачте ми, пять мудрыи евангельскія дѣвы, о вас молвлю, глупихъ <нрзб>, выбачь мнѣ и ты, святое Евангеліе, же на сей час твоего трохи одъминивъши техту², реку: «Подобно есть царство небесное единой сей дѣви, мудрой дѣви, нынѣ празнуюющей святой великомученицы Варьвары». Чи тожь нинишнему нашему празденъству прилични, повѣм: «Подобна есть сіа дѣва, святая великомученица Варьвара, небесному царству». Ба ни розъчинати, шо кому подобно, чи царство дѣви, чи дѣва царству. Если въ царствіи небесном ни женятся, ни посягаютъ [Матфей 22], но яко аггели божиі на небеси суть, то и дѣва, а дѣва Господня, не посягшая [1 сог. 7], печется о господьних, да есть свята тѣломъ и духомъ, есть праве аггель. Хоць заразь зъ аггеломъ поставь еи въ пару, хиба тилько крила учинят розъность, же аггель съ крилами, безъ крил — дѣва. Але уйми аггелви криль, будет дѣва, придай криль дѣви, будет аггель. Если въ небесномъ царствіи разьличныи аггеловъ: суть херувѣми, суть серафими, суть престолы, господствія и инныи чины, то и въ души дѣвичей, якъ въ неби. Шо добродѣтель назови аггеломъ, которого хочь чи на цѣлоть паненская тѣла, то оны земьныи аггели; чистота души ея, то архангелы; мудрость еи божественную зови набезъпечно херувѣмомъ, а любовь, къ Богу палающую, титулуй серафимомъ; мисли ума чистаго, богомисльностью забавляющогося, то престолы; силы духа, наместности плотскими обладающаго, то господствія. И дѣва, и небесное царство суть то, як бы едно зъ собою, бо шо вьнутрь есть небеснаго царства, то вьнутрь дѣвы знайдешь, вся слава дщере цареви вьнутрь, а шо вьнутрь дѣвы, то вьнутрь небеснаго царства обачишь. Вбачьмо только нынѣнишней моей проповиди, яко небесное царство уподобися дѣви, а яко дѣва, ныни празнуемая святая великомученица Варьвара, небесному царству есть подобна, Господу поспішествующу и слово утьверждающу.

Царство небесное телеснымъ очамъ невидимое и неведомое, але душевнымъ, богомисльнымъ добре созерцаемое, извѣданное подобно есть дѣви, гди якъ бы якова кецькая у виночках ходит, винцець на себѣ носит, и есть единымъ скрадомъ всѣхъ винцецов, всѣхъ угодниковъ // (л. 185 об.) божиихъ уплитаеть ли себѣ, и то каковый винцець працами своими ховает его, якъ бы до обьшой коморы, до небеснаго царства. Працуеть апостол Павел [2 Тимоф. 4 зачала]: «Подъвигомъ добримъ подъвизахъся, теченіе сконъчах, виру соблюдох, шожь за то отложимися венецъ правды, егоже оддастми Господь в день оный». А где ж то тебѣ, апостоле святой, венецъ отложится? Въ царствіи небесномъ, бо житіе наше на небесех. А тебѣ жъ то тилко единому апостоле винецъ тамъ отложенъ, захованъ? «Нѣ, не тилько мнѣ, — мовит, — но и всѣмъ возлюбьшимъ явленіе его». И та, гди кому святому каждой

¹ Мф. 25: 1

² Так в ркп.

святой винецъ до царьства небеснаго, яко до единаго охованія зложен, ажъ небесное царьство — панна, винцами увиньчанная. И дѣву, и небесное царьство по виньцахъ знати, ба и тымъ уподобися дѣви, же есть единимъ дѣвъ мешьканемъ, все в немъ мешькаютъ дѣвы. И чи знаетъ кого змешькающихъ въ неби, жебы не билъ дѣва? Апостолъ святой, не обладаючи на поль мужескій и женъски, о всѣхъ святыхъ, сущихъ въ небѣ, обще повидѣлъ [2 ad соринтос³, 32 зачал]: «Обручихъ васъ единому мужу, дѣву чисту предъстави Христови». Уже то тамъ святая Варьвара, святая Екатерина, святая Параскевія и прочіи дѣвы суть дѣви, але и мушизньи, що святыи, то дѣва: святой Предитеча — дѣва, святой Богослов — дѣва, святой Николай — дѣва, Дамаскин, Сава, Амбросій, Потапий и иннии святыи — все то дѣвы. «Обручихъ васъ дѣву». Однимъ словомъ, все небесное царьство есть дѣвою, дивичество всѣмъ небеснымъ царьствомъ завладѣло, подобно есть царьство небесное дѣвамъ, а дѣвамъ, вѣнцы увинчаннымъ. «Виньчаются мученици», — спиваетъ Дамаскинъ святой. А не толко мученици, тамъже и пророци, и апостоли, яко тои же на другомъ мѣсту, имъ же пророци всѣ и божественныи апостоли со мученики виньчашася, которыхъ виньцовъ и не зыличити. Царьство небесное от Бога въ Троици единаго такъ есть устоенное и спораженное, же любо многи, а праве безъчисленныи вины мает, которими виньчаются, або рачеи мешьканьцовъ своихъ на вѣчное царьствованіе виньчает, на глави его виньци мнози. Богословъ мовитъ [Апокалипсис], особливимъ едѣнакъ способомъ, яко от богословныхъ учителей твердится, трема славнѣйшими виньцами, авреоля названными, всю свою здобит славу, яко разьпоражающее всѣхъ своихъ жителей в три израднѣйшыи ликостоянния, в три полки: // (л. 186) въ полкъ учителей, въ полъки дивѣственниковъ, въ полкъ мучениковъ. Възято разь девицу красную, сулямифаньку, на смерть до палацовъ цара Соломона. Ктосъ збоку, приглядуочи, другому мовитъ [Canticogum 7]: «Что видиши у Суламити? Нечто тежъ видишь особливѣйшаго в сей паненьце?» Одповидаетъ той: «Наибарзѣй, — мовит, — здобит ей тое устроеніе, же ся такъ прибрала, якъ бы до бою, вѣду, яко лики полъка, чи то якас отважная Юдифѣта, чи валечная Девора, чи Иаиле смѣлая, амажонька то якась, праве, не до покою, але до бою, не до палацовъ, але до криваваго пляцу, до Марьса барзѣй, нижъ до царьскихъ маючися делицѣи». Але то было прообразование царьства небеснаго, девици подобнаго, сулямитис бовѣмъ толкуется мѣрно или совершьшенна, или въздающая. А кии ж лутши мѣръ и совершьшенѣйшее совершьшенство, гди большое въздаяніе, яко в небесномъ царствіи, въ той мисленной сумамитини, въ той красной девици въ царствіи небесном. Гди бы мя кто спросилъ, что умными очима видѣти? Одъповѣдилъ былъ — лики полъка вѣду, узброенное жолнѣрство, устроеныи полъки: архистратиг Михаль⁴ со всѣми небесными силами. Але то безъплотный. Що до плотныхъ, Христови по челоуѣчеству сопраженныхъ, бо не от аггелъ, но от сѣмене Авьраамья приемлетъ, то Адамъ, Авьраамъ, Ное со всѣми праотци, Моисей со всѣми пророки, Петръ со всѣми апостолами, Павель со всѣми учителями, Иоанъ

³ Так в ркп.

⁴ Так в ркп.

Богословъ со всѣми дѣвственниками, Иаковъ, брат Божій, перьвой архiereй, со всѣми святителями, перьвомученикъ Стефан со всѣми мученики, Пресвятая и преблагословенная Дѣва со всѣми дѣвъ и мучениць ликами, Пахомій со всѣми черьноризьцами, Павел Фтивейски со всѣми пустинниками и инних безъличьбы множество многое, тысяща тысящъ служащих и тмы тем предъстоящих. Лики полка виждь в дѣви мисленной в небесномъ царьствіи, але тыи всѣ лики в три польки, якося рекълъ, в три обози разьпораженны, яко и аггели в три ерархии. Лик богодухновенных учителей, то полкъкъ единъ, обозомъ между богомудрими херувѣмами. Придано до того полъку ликъ праотець, пророковъ, апостоловъ, святителей, исповѣдниковъ. Собор дѣв обоого пола, мужескаго и женьскаго, гди жь в Писанѣи божественномъ, яко выше рекълъся, тые слова: дѣва, такъ мущизьнамъ, яко и самымъ дѣвам, дѣвство хранящим, есть обьще, дѣвъ теди соборъ есть. Полкъкъ другій обозомъ межи аггелами начал, властей и господьствіи положенный. До того полъку придано ликъ постниковъ, воздержниковъ, ликъ, скопивъших себе духовнѣ царствія ради // (л. 186 об.) Божия. Собор мучениковъ есть то полкъкъ третій, положенный обозом межи боголюбивыми серафимами. И до того преданъ ликъ и другій, мучениковъ самозванных, що то без кровеылянія мучениками показалися и многоразьличьнѣ себе умерьшьвляючи. Тутъ же приписанный ликъ и грѣшниковъ, покаяніем Богу угодивъших, умерьтвивъших прежьныи свои гриховъныи налоги крвавопотными покути святой трудами. Тые три полъки розьпораженныи суть по чину триех богословьских добродѣтелей: вѣры, надежды и любви, которыи всѣм святымъ суть обьщии. Особьливъшим едънакъ способомъ: вѣра учителемъ, научивъшим въселенную вѣровати в Троицу едносушьную; надежда дѣвам, хранящим чистоту свою, надѣющеся несумѣнно черьтога жениха безьсмерьтнаго; любви мученикомъ, положимъ душу свою за Христа, больше сея любьве имятъ никтоже. И сіи три небесныи полъки разьвращенныи суть по числу триех торьжест(в) зь триех побѣдъ, одьнесенных на трох наголовьными неприятельми: свѣтомъ, тылом и дияволомъ. Полкъъ учителей противуположенъ есть дияволу, що бовѣмъ той зопьсовал: сіи направили — дияволъ прельстиль, а сии учениемъ от прелести избавили — дияволъ помрачилъ, а сіи просветили — дияволъ похитиль, а сіи восхитили — дияволъ умориль, а они оживили живымъ словомъ Божиимъ дивьственнымъ. Полкъъ дѣвъ противуположенъ есть тѣлу, на духъ походствующому. Полкъъ мучениковъ противуположенъ есть свѣтови, ненавидячому слугъ божиих: миръ васъ ненавидит. Презъ тыи теди три полъки небесныхъ жителей, жвितяживъши помененныхъ триех головьныхъ неприятелей, торьжествуютъ в небѣ и вѣнчанни вѣнцемъ вѣчньныи славы, троякимъ рекълъ: перьшь, же многия вѣнъци царьство Божие мѣеть, уготованныи по мѣри заслугъ каждого, не (нрзб) комушь за одну ночь сѣмъ вѣнцовъ заслужити, яко в Патерику читалемъ. Все едънакъ то богословіи, яко граждановъ царьства небеснаго, на три полъки, такъ и заслуги их, воздаянія их, славу их на три вѣнъци, авьреоля назьванныи, дѣлят, которыхъ обьобразование у Ветхомъ было завѣти. Три виньцѣ вь храми свидѣнія: винецъ ольгара кадильнаго

[Exodi 30, ver. 3], *vinces*⁵ киота [Exodi 25, ver. 12] и *винецъ* предъложенія хлѣбовъ [Exodi 25, ver. 25]. *Винецъ* предъложенія хлѣбовъ образовалъ авъреолоу учителей, предълагающихъ людемъ хлѣбъ духовный, брашно негибнущее; *винецъ* киота фигуировалъ авъреолоу дѣвъ, носящихъ въ сердцу своемъ законъ Божій, яко скрижали завѣта, страх Божшій, яко жезлъ Аароновъ, любовь божественную, // (л. 187) яко манну; *винецъ* отфара кадилнаго образовалъ собою лавъреолоу святыхъ мучениковъ, принесшихъ себе въ жертву Богу во воню благоуханія духовнаго. Лавъреоля зась есть особнѣйшая святыхъ слава, особнѣйшо души и тѣла увелбене, особнѣйшее сїаніе, шарами, яко дуга, святящаяся на облацехъ, уколорезованное, и повидаютъ сїаніе святыхъ мучениковъ. Колор быти червонный наподобенство рожи сиянія святыхъ дѣвъ, колор бѣлый наподобенство лиліи сїанія святыхъ учителей, колор злачный наподобенство лавъру неувядаючаго альбо фіялокъ различно видной дарвы. Такъ святой Амбросій, межѣ богословами богословъ непослѣднѣйши, дишкуртуетъ о небесномъ царствїи [Ambrosii in Luc. Cap. 2, citatus Cor. a Lapi(de). in Prof. Danielis caput 20 ver. 3 folio 1323 л. 4 “Ubi claritas Angelorum est illic confessorum uio⁶ ille lilia virginum rosa martirum sunt” et s. Augustinus, sermone 37 de sanctis citatus a Cor. a Lapide in Epistola secunda Timotei 4 ver. 8 folio 81. “Horibus eius adest ecclesiae caelestis, nec rosae, nec liliae desunt certent nunc charissimi singuli ad utrosque honores amplissimas accipere dignitatum coronas vel de virginitate candidas vel de passione purpureas, vel de doctrina Laureas”]. Такowymi колорами, такowymi виньцами увинчанно небесное царство, заправди подобно есть дивици, виньци на головы носячей: уподобися царствые небесное дѣвамъ, подобная тежъ есть и дѣва небесному царству. Удиваися, нини празнуемая святая великомученице Варваро, которими бовѣмъ авъреолями, виньцами царство⁷ небесное въ чїю славу свою здобит, ими сїа едина дѣва увинчанна: виньцемъ учительскимъ, виньцемъ дивическимъ и виньцемъ мученическимъ.

Щося тычетъ перваго ея виньца — учительскаго? На той заслужила высокимъ своимъ богословіемъ, богословскимъ учительствомъ, которое въ литѣи ея описаватъ Метафрастъ зъ Дамаскиномъ, гди бовѣмъ отецъ ея Диоскоръ казавши будовати баню, велѣлъ двѣ устроити окъна, а святая дѣва Варвара три во имя святыя Троица окъна повелѣла зробити, и была о тое от о[т]ца строфованная. Ажъ она богословскимъ языкомъ глупого отца такъ учить: «Лучше три, паче двою ти бо, отче мой, повелѣлъ еси устроити. Двѣ окъна во образъ, якоже мню, двоихъ свитиль небесныхъ, азъ же повелѣхъ и третее устроити во образъ троичнаго свѣта, ибо три суть неприступнаго, неизреченнаго, незаходимаго и немерцающаго свѣта окъна, яже просвищаютъ всякаго челоуѣка, гредущаго во мѣрь». А тожъ слушайте богословскаго учительства молодой девици, которая и старихъ превзишла своимъ высокимъ разумомъ, паче старецъ разумѣ, etc. Не помкуетъ // (л. 187 об.) глупи Диоскоръ высокаго дишкуръсу, вопрошаетъ дщерь свою на особности,

⁵ Так в ркп.

⁶ Так в ркп, нрзб.

⁷ Испр., в ркп.: *сарство*

кіим образомъ свѣтъ триех окон просвищает всякого челоуѣка, градушаго во мѣрь, якоже рекъла еви? Мудрая дѣва чи на таковое тлумаченіе: «Внемли, отче мой, и разумѣй, яже глаголю: три ипостаси единого во Троици Бога, живушаго въ свѣти непреступномъ, просвищающъ и оживляющъ всякое созидание, Отець и Сынъ, и Духъ святой, того ради тремъ окнамъ повелѣлъ въ бани быти, да едино сие (показуючи пальцемъ) виображает Отца, другое — Сына, третее — Духа святого, яко да истиннѣ имя пресвятыя Троици прославляютъ». О, тожь маешь богослова, маешь учителя, маешь ритора и витію — сію юную отроковицу межи мудрими дѣвами мудрѣйшую, святую великомученицу Варвару! Суди ж тут, святая правда, и зали, нѣсть достойна сія дѣва авѣреолы учительской, абы тою въ небесномъ царствіи была увинчанна. Учительскую авѣрею выражают презъ древо дафиново або лавъровое, акъ ся от святого Августина, Амѣросія наменило, оттоль то мовится: лавѣреатиус философус лавреамус — доктор, дафномъ увинчанный, любомудрець богословъ, дафномъ коронованный, тое альбо вѣм древо дафнис альбо лавѣрусъ есть, нигди неувядаемое, завѣше зеленѣющеса, завѣше весеннюю красоту на себѣ носячое. И учительская лавѣреоля, а оразъ и лавѣреоля неувядающую въ небѣ мает славу, по словеси Петра, святаго апостола, до пастирей и учителей мовячого такъ: [Petr.] «Глаголю явѣльшуся пастирей начальнику: “Пріимете неувядаемый славы винецъ”». Того винца наслѣдъницу ты быти, всѣми улавѣрованную, мудрая дѣво, твоя бовѣмъ мудрость превѣзишла всю мудрость вѣка сего, яже есть буйство у Бога; твоя философія завѣстидила всѣхъ философвъ елинскихъ, мнѣввшихся быти мудрихъ и обѣуродившихъ; богословіе твое уподобися богословіямъ апостольскимъ. Показалася бити улавѣрованную философією, гдичь от созиданія познала созидателя, яковъ есть творецъ, позналась от твари улавѣрованной, богословительною явилась себе быти, гди дерзновенно предъ мучителемъ славила мудрими словами Бога, мовячи: «Богъ есть истинный, иже созда небо и землю и вся, яже на них. А твои бози ничтоже суть и ничтоже сотвориша, единого Бога, создателя всяческихъ быти, вѣрую». Лавѣръ исповиданія твоего не увянуль, любь досит былъ, стираемый муками, ранами, катовскими инструментами, крѣпко биемыми на тѣли желѣзными стружемы и // (л. 188) свѣщами горящими опаляемыи. Онъ едѣнакъ присно весенный живѣше, зеленѣючій, вѣрую сердичною во правду и устнимъ исповѣданіемъ во спасеніе, и такъ угодный сталъся авѣреолѣ учительской, а ти, приемлеши, нынѣ въ царствіи небесномъ неувядаемый винецъ славы. Лавѣровое дерево от стравѣчныхъ посвящено было въ честь слнцу и при офирахъ, слонѣцу приносимыхъ, и жерѣтвы, и жрущій лавѣровыми винцами приоздоблялися, якъ бовѣмъ солдце есть царь межи планетами небесными, такъ лавѣровое дерево царь есть межи всѣми древесами. А и наука святая чи не царствуетъ же и на земліи и на небеси? Царствуетъ на земліи премудрость, бовѣмъ хвалится: «Мною царіе царствуютъ (хуербиогус 8)⁸, мною велможи величаются, мною держатъ землю»; царствуетъ и на небеси, по писанному: «Sapiens dominabitur astris». Слонѣцу же, праведному Христу, дедикуется, яко Божіей сили

⁸ Так в ркп.

и премудрости, от которого всякая премудрость, якъ потокъ з источника, якъ рѣки з моря виходят. Мисленный лавръ, святяга великомученица, от юности освятися слоньцу лучезарьному — Богу во Троици, и тому, приносячися въ жертву живу духовьным лавъромъ, дшевные скронѣ увинъчевала и царствует нынѣ свѣту трисольнечьному въ царствіи небесномъ, царствовавъши въпред на земли разумомъ своимъ над безрзумьными всѣми, о которых апостоль [ephes.]: «Что ходят, въ нетѣ ума их, помраченныи смыслом сущи, отгуждени от жизни Божія за невѣжество, сущее в них, и за окамененіе сердець их виже не тамо научитесь».

Що другаго ей виньца дивическаго? А кто ж о том вонпит, въ котором небесное, еще на земли будучи, виобразила царство голи, бовѣм такъ що, яко дѣвство небеснаго царства есть образомъ несказительностью чистоты телесной, образомъ несказительнымъ тѣлесъ небесных, нетлѣнѣм чистоты внутренней, душевной, виображается, що кольвек есть нетлѣнїя въ царствіи небесномъ и есть якъ би зверьцало поставъленное противъ небесному царству. Поставъ зерьцало ку небу, обачишь в немъ въ днь слоньце, облаки, в ночи — мисяць, звѣзди. Ставь на безыпечно дѣвство святяга великомученици Варьвари противу небеснаго царства, обачишь в немъ умъ чисти, якъ свѣтоносный облакъ, невинность — нибы слоньце, бодьрость неусипьную, якъ луну, всю в нощи свитящую, и инные добродѣтели, якъ звѣзди узришь и аггелское подобіе. S. Augustinus [des. Virginitate cap. 3]: «Virginatis integratas angelica porto est in carne corruptibili in corruptionis perpetue meditatio», ба и тытуль дѣвства такъ земьный аггелу, що мовлю самага Бога въ дѣвствіи ея, // (л. 188 об.) якъ в царствіи небесномъ узриши: въ сердци — Богъ, въ устах — Богъ, въ мислех — Богъ, в дилех — Богъ и во всем житіи ея — Богъ. Въ серьци чрезъ любовь, в устах чрезъ вызнане, въ мислехъ чрезъ богомисліе, в дилех чрезъ богоприсудствие, же предзри Господь предъ собою вину во всемъ жити чрезъ богоугожденіе. Не дарьмо святяга Василий Великий [Libro de uero virginitate, citatus Cornelio, in Isaias, cap. 56, ver. 5 folio 406] живымъ божіимъ подобеньствомъ назватъ дѣвство, quasi vivum Dei simulacrum aspicientes faciem ad reuerentias atque ad admirationes sanctitatis inclinunt. Чи ежъ дѣвство от земьнихъ дѣвъ было на земли такъ живое Бога подобіе, яко твое, святяга дѣво, нѣкии въ зерькали: в тельци дѣви репрезентовалася святяга Троица, переднѣйшая дѣва и въ сей дѣвственной чистотѣ жродло — дѣва Отець, бо безъ жены рождает сина, дѣва Синь, бо не раждает иннаго сина, дѣва Духъ святой, бо плоти не причестен, и только в чистихъ любятъ жити. «Иначей не иматъ духъ мой пребивати въ чловѣцехъ сихъ, — глаголетъ Богъ Отець, — яко плоть сущъ», и апостоль ишетъ: «...телесни духа не имуще». Виразилься теди въ дѣвственной души твоей Богъ Отець чистотою душевною, бось нигди на нечистоту не соизволила; виразилься въ дѣвственномъ тѣли Богъ Синь чистотою тѣлесною, бось нигди чистоты твоей не змазала; виразилься в дивественномъ духа Богъ Духъ святой чистотою духовьною, бось о чистотѣ нигди не помислила, тось власне была церькви Бога живаго Отца и Сина и святяго Духа душею, тѣломъ и духомъ. Жиль въ души твоей дивической Богъ Отець, яко создатель, въ тѣлѣ твоемъ дивическомъ Богъ Синь, яко искупитель, в духу твоемъ дивическомъ жиль Богъ Духъ святой, яко просвитель. Живописалася

въ души твоей Бога Отца любовию от всея души, въ тѣли твоёмъ Духа Сина любовию от всего сердца, Бога Духа святого живописалась въ духу твоёмъ всѣми любовными мыслми. Такъ дѣвство твое стало живымъ подобеньствомъ Бога во Троици, а за тимъ и всего небснаго царства. Подобно есть дѣвство небесному царству. Але якъ небесное царство нужно, такъ нужно на свѣти и дѣвство, не дарьмо уподобися царство небесное дѣвамъ, бо обою трудно. Трудно, о небесное царство, нужници восхищаютъ е. Трудно, о правдивое дѣвство, полно дѣвства фальшиваго, мало правдиваго. Густо по писующихся дѣвствомъ тѣла, мало оздобленнихъ дѣвствомъ духа и евангельскихъ дѣвъ, другая пятерица дѣвство умна тѣломъ, але не духомъ и претто глупство имъ приписанно. О правдивой дѣви апостоль [ко коринтим, 7]⁹: // (л. 189) «Да естъ свята тѣломъ и духомъ, не доситъ бовѣмъ быти чистому тѣломъ, але треба быти чистому и духомъ». Можетъ хто хранити чистоту телесную за боязнь цари альбо для прожньої хвалы, не д(у)хомъ, але мыслми, а изволениемъ вырутный вшетечникъ и вшетечница. Да естъ святымъ духомъ и тѣломъ дѣва, если жъ дѣва, будь же дѣва не отъ числа глупихъ, але зъ личбы мудрихъ, не тѣло тылко, але и духъ, мисли сердечныя, изволеніе въ дѣвствѣ чисто ховаючи, а буде се живое подобие Бога и выобразене небснаго царства. Авреолоу дивственникомъ, въ небеси зготованную, вышше спомъненний Амбросий святойъ выражаетъ чрезъ крины, то естъ лилии. «Дивственниковъ крины, — мовитъ, — а то бѣлости ради того цвѣта, и дѣвство, по Соломону, убиленное отъ жизни вѣчныя». Не ранитъ тежъ здастмися и для того дивство лилии подобно, же тотъ цвѣтъ поты пекный, поки не достинетъ его рука людская, а яко кто рукою здавитъ, зотретъ, ажъ и пекность и запахъ тратитъ, вянетъ и вниветься оберътаетъ. Варуйжесь, лилио дѣвственная, рукъ люцкихъ, утикай отъ ихъ до тиненя, бо яко въ рукахъ, а рукахъ злихъ, поживаешь вьнетъ, и цену и повагу свою стратишь. Добре тыи чинятъ, котории крины чистоты своей, лилии свои наособьности отъ лакомого люцкаго ока и отъ невоздержной руки оподалъ, любь во городкахъ замъкненнихъ, любь на мѣсцахъ високихъ, досягненія трудныхъ, садятъ. Не отричи чинитъ, хоць поганинъ, въ политичныхъ едънакъ речахъ знатъ бѣглый мищанинъ елиопоньский Диоскоръ лилию доситъ пекную, красную дщеръ Варвару посадилъ на столпѣ высококъ, где бы ни око, ни рука люцкая не могла досягнути, виншовавъ бимъ тебѣ лилио тоею особности, же будешь квитъ-нути безъпечне. Але злый вижу садителя твоего замысль, мислитъ ты зъ висоти столпной и особнаго мѣсца зорвати, а до рукъ люцкихъ на чужое и горькое оддати уделекътоване. Взиде Диоскоръ на столпъ къ Варварѣ и начатъ ей глаголати о браци, сказуяй ей жениховъ различныхъ, ей для Бога пошадити бы, захавать би надаліи того крина, на вѣчность. Шкода такъ вдячную лилию уривати, увядати, але щасливая лилія жесься столпкомъ, зъближила къ небу, а умомъ сягнула за небо, бы убо девица на столпѣ томъ, яко птица, особящаяся на зданіи горьня, мудрствуючи, а не дольная, не прилагаше-бься сердце ея ни ли чесому же земьному, ниже о браци, когда помисли, но точию вединомъ Бози всею мислюю, ему бивъшася бысть, въ любовь его плѣненна. Уже жъ теперъ не вонтплю о тобѣ, дивическая лилио, гди корень

⁹ Такъ в ркп.

твой в любви божой углубила. Не зле и той учинихъ, который лилию свою огородилъ плотомъ терновымъ, яко // (л. 189 об.) в Письмахъ пѣсней списается [Санъгисогум, 2]¹⁰, яко кринь въ терънии, якъ искрення моя посреди дщереи. Добре же въ терънию, кто посягнет, руку сколетъ. Але и ты, крине, въ терънии яка маешь, чи недолигает и тобѣ острая теръновая? А крин себѣ мовит: «Хоць мнѣ и поприкѣро межи терніемъ досит, едънакъ на томъ, маю, мя не дотинет, ни урѣвет рука люцкая». Кринь альбо лилия мовилося же естъ образомъ дѣвства, а тернь до кола, що то острое и жестокое житіе. И не иначе цѣль будетъ лиловый цвѣтъ, если не огородится терномъ, не иначе заховается чистость, если не о жестокомъ, тѣсномъ прескорѣбномъ житіи. Въспомънимъ тутъ ов в писмѣ с(вятой) Аполон, который правитъ — Иоафѣтамъ, сынъ Иоровааль, в Сихеми иудиум¹¹: и всѣ дерева, зобразивъшися, учинили раду поставити себѣ цара [Судий, 9], гѣша¹²: «Масличини буди намъ царь». Не хочетъ масличина отъ тлустой своей одделиции, роскошь свою себѣ баръзѣй, нижь царьскую важачи корону: «Оставишь ли сытость свою да иду владѣти древами». Рекоша древа смокъви: «Прииде и царствуй надъ нами». Вымовляется и смокъва: «Забаву мѣючи коло своихъ овощей солодкихъ, оставивъши ли свою сладость и плодъ свой благий да иду владѣти древесами». И рекоша древа къ винограду: «Приди и буди намъ царь». И виноградъ такъже: «Оставивъши ли свое вино и веселіе челоувѣческое, да иду въладѣти древами». Ажь на остатокъ всѣхъ древа теръна себѣ за цара згодные выбрали, рекоша всѣ древа терънию: «Приди и буди намъ царь». Здоровы жь будьте древа зъ царемъ своимъ терномъ, который не откажется одъ короны царской. Рече теръние ко древомъ: «Аще поистинни себѣ цара мене, то предѣте и внидѣте подъ сень мою». Тожъ то знать и ты, крине, ты, дивѣственная лилио, была на томъ сейму, на той елекъции, где тернь за цара обрано, знать тамъ же и ты дала свое на тернь вотумъ, же терновымъ парканомъ въ коло отачаешься, яко виночѣкомъ, пекъное. Мефтоди [С. Dius Methodius Lib. 1 de castitate apud socium, citatus ab Езе. Lib. 1-mo de Adamo creato, cap. 15 Xtii, folio 43; et lib. 2 de Jacobo siuc¹³. Кто in утеро¹⁴ 52, folio 163 et eodem Libro, capi 5, strofa 13, folio 191] на тое писма святаго мѣсьце чинить тлумачене: “Всѣ древесна знаменуютъ всѣхъ людѣй дховънихъ, которыхъ дховъное царство не умножилось, ажь у терънию въ смокви». Знаменуется то, же челоувѣкъ шукаль себѣ короны въ раю, а короны не посполитой бозкой, “будете яко бози”, а шукаль ей подъ древомъ смоковънымъ, [Geneseos, 3] сошиста листіе смоковъное, в виногради образовалося царствованіе // (л. 190) отъ Ноя до Моисея у праведныхъ людяхъ, правомъ натура Богу служивъшихъ у масличныхъ, образовалося царствованіе отъ Моисея до новой благодати, где царей и архиереевъ масломъ деревянимъ помазовано. Всѣ ты короны царствованія своего, а царствованія вѣчнаго, а неби не утвърдили за своими плодами, же такъ, реку, за своими делициями, той утучила олива, того усладили плоды,

¹⁰ Так в ркп.

¹¹ Так в ркп., нрзб.

¹² Так в ркп.

¹³ Так в ркп., нрзб.

¹⁴ Так в ркп.

того вино доброе увеселило, аж настало царство терьновое, от Христа, терьніемъ увинчаннаго, утвържьженное, а тымъ есть жіте дивьственное, бо якъ тернь есть безплоденъ, такъ дѣвство на земљи плода не зънаетъ — плодъ дѣвства въ неби, а на земљи бодци скорьбей, острость, умервьшленіе, и поки не воцаримься терьніемъ, поки прискорбное дивьственное жіте не утвържено, поти и смокъва и виноград, и маслина били безъ райской короны, поти мовлю, с(лушители) с(вятїи), и правомъ натури, и правомъ Моисеовим себе радивъши не могли доступити виньца небеснаго царствъ ѡя. За терьном сухимъ, безплоднымъ добрыи и тлустыи плодныи древа, за прискорбно жиючими, и тымъ, который суть отраднѣйшаго жітїя в делициях роскошующим, латвый дастся путь до короны. Не зъневажай тежъ прощу васъ сухого терьна, панове, тлустыи масличини, солодкїи смокъви, и ты, пане, веселый винограде, не мѣйте, мовлю, легце и в погорьженю тых, который жіте на чистость Богови посвятили, суть ниби тернь сухой, а на земльѣ неплодный, гди той терно может и плодовитымъ садомъ быти, оплотомъ, огорожею, обороною, ходотайствуючи другимъ збавленіе и винецъ небеснаго царства. Але верьнеъмься до святой дѣвѣ Варвары, дѣвственный крине, сличная Христова лилѣо. Чи ли и ты естесъ оточенна терномъ кринь, въ терьнии естесъ заправды? Возбисивься Диоскоръ от ярости, гнѣва и естественныя ко дшели своей любьве, забивь, изьсунувъ мечъ свой ударити дщер свою, що жъ розумѣете, аже жъ то не тернь, а тернь оstri, ажъ сердце проникающий. Она же ятсѣ бѣгу, а Диоскор, аки вольков ю гоняше, — и то тернь, окрыт въ пещери, ят ю и начат бити немилостивно — и то тернь, ударивъши ею о земљу, ногами попираше — и то тернь, за въласи похитивъши, влачаше ку домови своему по пути жестоком — и то тернь, а тернь барзьо оstri, таже затъвери ю во храмини мали и темъни, и затъвори двери и окъна, запечатлѣвъ печатїю, пристави стражъ и мораше ю гладомъ и жаждою — о, то жъ и огороду терьновую, кринь въ терьни, оstri то винецъ въ правды, але на тот часъ только былъ оstri, а нынѣ на небеси, о якъ роскошный, еже жестоко бы терпѣти, сладко воспоминаити, уже жъ теперъ красный райский крине по оstrom терьнію царствуй со Христомъ зъ цвѣтомъ польнымъ и криноюдольным. А твоему терьнію, мовлю, жестоко захованному, твоему дивьству нехай // (л. 190 об.) здумивается роскошный свѣтъ, нехай кланяется тебѣ якъ царици и триумфаторъци над сластми и страстми сего мира, ты царствуй, а убібую чолом тучныя маслины, солодкїи смоквы, буйныи винограды, и я подълый криен твой подъ святїя твои стопы главу мою и серьдце схиляю. Уже жъ и другимъ виньцемъ авъреолею криновидною дѣва наша с(вятая) в(елико)мученица Варвара увинчанна. Пойдѣмъ же еще до третяго.

Третій ей винецъ авъреола мученическая, рожами от Амьбросїа с(вятаго) образованная, якъ рожа бовѣмъ чирьвоная, власною своею украсилася кровїю. Рожаный колор видат было на святомъ лицу ей, гди противъ отца своего, выдати ю замужъ хочачого, восъпланусѣ лицемъ стидящисѣ, не точїю слишати, но ниже помислити о бьраци. Але барзѣй рожанымъ почеръвониласѣ встыдомъ, гди обнаженную по граду на смѣхъ наболши в стидъ вожено, а наибарзѣй все тѣло ея, якъ рожа, румянилось, гди виливала кровь свою за краснѣйшаго добьротою, паче синовъ челоувѣческихъ Христа Господа, по-

вели мучитель бити ю крѣпко на дольги час, яко земльѣ обогратися кровию ея — то рожа, чрепинами потираху раны ея, болизнь къ болизни прилагаючи — и то рожа, повели мученицу повисити на древи и стругати тѣло ея желѣзными ногтми — и рожа, повелѣ отрѣзати сосца — и то рожа, усиченна бысть рукама немилосердаго родителя своего — и то червьѣленная рожа, бо вся обагрилася кровию, а еще от отца своего власнаго, о страшный и жалосный позоре, о видоку ужасный Диоскор, каменосердечный родитель, единою рукою поят дшер, а другою взят обнаженный мечь, мовиль бымь кат по серьдоболию человѣческомь. Шасливый есьтес ты Исааку, же любо на тя отець твой Авраам и добыль меча своего, не образиль еднакъ тебе онымъ шасливым, бо мѣль агтела оборонѣцу, который задержал мечь, на тя подятый. Не мѣлас того шастя невинная дивица с(вятая), от меча отца своего умирающая, але далеко шасливѣшая ест, бо умирает за Христа, а агтели ассистуют души ей, одѣ тѣла исходящей, яко царици невѣсти Христовой. Не помылююся тутъ с(вятой) великомученице, гди ты въ пари поставлю зъ святымъ Авелемъ, перьвым на свѣти мученикомъ, бо власне то о вас двоихъ Христось, женихъ твой, в Евангеліи повидѣль: «Предаст брат брата на смерть и отец чадо». Авель пострадавъ одѣ брата, ты от отца своего, предаде брат брата, Каинь Авеля на смерть, отець чадо, Диоскоръ Варвару, дщерь свою. Авель по Адамову упадѣку перьши былъ фигурую Сына божаго, а фигуровалъ его трема рѣчми: дѣвствомъ, священничествомъ и мученичествомъ. Образоваль Христа дѣвствомъ, бо еще не зьналь малженства, чист от утробь матерьяна тѣломъ; // (л. 191) образоваль священствомъ, бо приносиль жерьтву богу, а былъ первій в прави натури священникъ, яко Христось в Новомъ Завѣтѣ, образоваль мученичествомъ, пострадавъши невиннѣ за честь божію. Такъ о немъ [Augustinus, lib. 2 de miraculū sac̄. Scrip. VII, s. 4, folio 29]: *primus post delictus saluatoris nostri gestavit figuram, qui virgo et sacerdos et martyr*]. Чимъ предьобразоваль Христа Авель, ты, о святая дѣво, напотимъ его в себѣ изобразила, будучи дѣва мученица (ба)¹⁵ и священница (отважус реши), не безькровную совершающая офѣру але крвавою, самую себе Богови въ жерьтву приносящая, и далеко твоя большая, нижь Авелева жерьтва. Той пренесе перьвородныхъ овецъ его, а ты сама вьминилася, яко овьца заколенія. Той зъ маетку своего офироваль Богу, а ты себе самую. Того жерьтва възжеся огнемъ вешественнымъ, а твоя невешественнымъ огнемъ любви божія. Той былъ дѣва ведьлугъ времени, бо смерть предварила женетву, а ты с цале отреклася брака. Той поневольне мучимъ, а ты съ волею вдалася за Христа на страданія. И нехай ми будет вольно реши, же ты болѣ Авеля дѣвствомъ, жречествомъ и мученичествомъ, и свѣтлѣйшихъ виньцовъ девическихъ, жреческихъ и мученическихъ сподобляешися въ царствіи небесномъ.

А то жь маешь, слухачу, дѣву трівинечьну, подобну небесному царству трема авѣреолями всѣхъ своихъ мешьканьцовъ вѣнчающему: учительства, дѣвства и мученичества. Усмотрила она треми окны святую Троицу, гди во имя Святыя Троицы три окъна въ бани устроити повелѣла, а барзѣй усмотрила, гди въ сердцу своемъ три мисленныи окъна: вѣру, надежду и

¹⁵ Так в ркп.

любовь. Отворила святая теди Троица за то трема ю виньцами. Виньчает Богъ Отець, яко всѣхъ отцевъ, премудрих учителей — верьхъ виньчает ю авьреолею злачьнозрадною, учителем уготованною. Богъ Сынъ льявьреолею пурьпуровидною мученичества. Богъ Духъ с(вятый) авьреолею криноподобною дѣвства. Есть теди тривѣнчenna сiя дѣва подобна небесному царьству, яко и небесное тривѣчное царство подобно есть дѣви. Дѣва тривинечна, царьству небесному подобная, святая великомученица Варьвара, казанием оголошена року 1692 месяца декабъра 4 в манастиру Батуриньскомъ.

РНБ, Q.I.269, л. 185–191.

Слово <второе> на память великомученицы Варвары *Alia contio pro eodem Festo S. Bar.*

Тема: «Агница твоя Варьвара зовет велимъ гласомъ: “Тебе, женише мой, люблю, и тебе ищущи, стражду и сораспинаюся”»¹⁶.

(л. 191) В нинешни день пятковый в посродь страстныхъ страшнихъ видоквъ стояти мнюся, слухачу мой (п)резацный. З едьной стороны, ми в очах Палестиня съ Иерусалимомъ градомъ, в немъ Господь Иисусъ Христосъ страждет. Страшный то видокъ — Бог от человекъ терьпит муки. Ужаснися, бояюся небо, и да подвижатся основанья земли. Зъ стороны другой, стает ми Египет зъ значнымъ своимъ Гелиополемъ градомъ, а въ немъ едина девица красная въ квитнучимъ молодости свои вѣку, святая великомученица Варвара, под мечъ родительски, а праве мучителски, паненскую свою схиляет главу. О жалосный видоку — предает на смерть отецъ чадо. Страшный то видокъ, где отецъ дитя свое власное власними забивает руками — предает на смерть отецъ чадо.

О, гди бымъ былъ годный, ижъ святымъ апостоломъ Павломъ до третяго небесе восхишень быти. Певъне, бывъ тамъ, узрил инные радостные и веселые, аггелскаго удивленія польныи два видока. Узрилъ бымъ тамъ Господа моего, по страданіи своемъ приемлющаго от Отца славу, яко тако подобаше пострадати Христу и вьнити во славу свою. Узрилъ бымъ и святую великомученицу Варьвару, по страданіи ея спрославляющуюся Христови — с нимъ же бо страждемъ, с нимъ и съпрославляемъся. Увидиль бимъ тамъ животдавецъ моего по тридньевъной смерти жива — живъ Господь и благословень. Увидиль бымъ и угодницу его, святую великомученицу Варьвару, по мечнымъ убіеніи жизнь о Христѣ приемлющую: «Умирая, — мовит, — яко да и живу о тебѣ». Обачил бымъ такъ владику моего царьствующа [Еход, 15]: Господь царьствует вовѣки и навѣкъ, и еще. Обачиль бымъ и наслѣдницу царьства его, святую великомученицу Варвару, соцарьствующую Христови. «Стражду, — мовит, — тебе ради, яко да царствую с тобою». Але на страдане святой смотрити, тож то есть шо и славу въ неби видити, на смерть глядѣти, тож то есть, шо и жизнь ихъ в ѣчную оглядати, на раны ихъ възирати, едьножь то есть шо и виньци ихъ небесные созерьцати — овьшемъ бы иськуснѣйшаго, шось хвалебнѣйшаго

¹⁶ Тропарь великомученице Варваре

и желатѣльнѣйшаго есть видити святыхъ страдальческія подвѣиги, ниже небесная въздаянія.

Недарьмо Златоустый святыи барзѣи съхотѣль быти зъ святымъ Павломъ въ темьници, ниже в неби, въ сверикахъ, ниже въ венцахъ, въ безъчестіи, ниже въ слави. И мовит: «Гди бы такъ хто запитал, чого съхощешъ лѣпшеи — чи неба, чи ланъцуха, которымъ былъ Павелъ зкованныи, а гди бы ми кто небо даровалъ или веригу ону?» [На послание ко ефесеомъ, глава 4 бесѣда 8.] Вся безъсѣда и нравоученіе о томъ. Оную ажъ предъпочель бымъ, барзей бымъ // (л. 192) за веригу хватилъ, ниже за небо. Аще бы мя кто со аггели поставилъ гори или со Павломъ связаннимъ, темьницу бымъ изволилъ. Барзди бым хотѣль быти Павломъ зъ темьници, за Христа сидячимъ, ниже аггеломъ въ неби, Христови предъстоячимъ. Аще бы мя кто сотворилъ одинаго от оныхъ силъ, иже окрест небеси и иже окрест престола сущихъ, или юзѣника сего, такъ овъ бымъ изволилъ бити юзѣникъ, не миняль бымъся юзами Павловыми и на самыхъ херувѣмовъ. А то чому? Святыи Златоусте, чи не лѣпше же быти въ неби, ниже въ темьници, на свободи, ниже во оковахъ, межи аггели, неже межи вязни? «Не лучшешу, — мовит. — Чему ничтоже лучшее [ibidem] есть, от еже зло страдати что Христа ради. Не машъ, — мовит, — лѣпшеи рѣчи надъ тое, терпѣти, шо страдати, умирати за Христа». И если теди то такъ есть, же страданіе святыхъ лучше неба, не зазрю тебѣ, святыи апостоле Павле, до третяго небеси възхищенія, могучи въ страданіяхъ святыхъ и самое емъпирейское видити небо. Зличи Палестини притинися зъ Ерусалимомъ, ближеи Египъта и зъ Елиополемъ, ближеи зъ страстьми Христовыми, ближеи Елиополе зъ <с>траданіемъ святой великомученици Варьвари, або рачей, мои слухачу, афектами нашими зъближмося тамъ, станемъ украдомъ, а умьныи наши очи възлипимо въ страданіе Христово и Христовой невѣсти Варьвари, и бачьмо, яко святая великомученица Варвара Христу жениху своему възлюбленному состраждетъ и сораспинается, любящи, а оразъ и соцарствуетъ, и сопрославляется, торжествуючи.

Агница твоя Исусе — Варьвара.

Любовь на все отважна, любьви страшнаго нѣтъ ничего, не новина людемъ не только въ рожный небезъпеченства для любви въдаватися, але и на самую смерть отважати. Кто възпомьнит на одвагу двоихъ истинныхъ друголюбьцовъ Пиляда и Ореста? Ишетъ тиранъ Ореста на смерть. Пилядешъ, своимъ горьломъ, Орестовъ животъ хотячи заступити, мовит: «Я Орест, мене убійте». Орестешъ, видячи друга своего, на смерть за него въдающагося, а хотячи невиннаго выбавити, по правды кажет: «Я естемъ Орестешъ, мене имѣти». И той себе твердитъ быти Ореста, и той Орестомъ ся кажет, на смерть въдается, бы друга своего любимаго оборонилъ отъ смерти. То любовь правдивая умѣетъ такъ, есть отважна, же ей и смерть не страшна. Недарьмо речемо [Cantico, 8]: «Крѣпка, яко смерть, любии». Заветъ велегласно святая великомученица Варьвара ко Христу Господу: «Тебе, женише мой, люблю». А якожъ люблю? Не иначе, яко ты, Богъ мой, миръ възлюбилъ еси: такъ възлюби Богъ миръ, яко сына своего единороднаго далъ есть; такъ ты, Господи мой, възлюбилъ еси миръ, же за мѣръ дамъся на страсти, на распятіе душу свою на крестѣ // (л. 192 об.) по-

ложилесь. А тожь и я, раба твоя, възаймъ тако тебе, женише мой, люблю, же ищущи тебе, стражду, такъ тя люблю, же тобою насладитися, сладчайший Иисусе, хотячи, сораспинаюся тебѣ, умираю, душу мою за тя полагаю. О, skutьку любви святыя! Тутъ любовь Христа, спасителя нашего по роду чловѣческому, и любовь святыя невѣсты его Варвари ко Христу подлимъ моимъ разъсмотривъши умомъ якъбы на двѣ подобны собѣ смотрю распятія.

Любячи нас, Христос на крестѣ распялся, такъ спиваетъ церковь зъ Дамаскиномъ: «Любве ради, шедъре своего си образа, на крѣстѣ своемъ стоялъ еси». Любячи, и святая Варъвара Христа сораспинается: «Тебе, женише мой, люблю, и тебе ищущи, стражду и сораспинаюся». В томъ тилько трохо рожно, же тотъ невещественнымъ, а тая на невещественномъ крестѣ распяте свое мает, хочъ не здобыло ей и на крестѣ вещественномъ, якъ бовѣмъ Христосъ на древи повишенъ бытъ, по писанному: «Повишенъ на древи, убися»; и церковь спиваетъ: «Повишенъ былъ на древи едине сильне». Такъ и святая Варъвара любь инъшимъ подобиемъ, по свѣдательству Дамаскинову и Метафрастову, на древи была повишенна. Такъ гистория страдания ея мовитъ: «Повели игемонъ мученицу повѣсити на древи и скробати тѣло ея». На дъреви повѣсити, чи то на балъку, чи на полу, для того тыранства умислно упопанномъ, чи тежъ на крестѣ, а подобенство же на крестѣ, бо тамъ тыхъ вѣковъ римскѣя мучители крестовъ, ажъ еще до тыранства, жаживали, на которыхъ морьдавали осужденниковъ. Якожъ кольвекъ было, доситъ же на дъреви была повишенна и строганна, але я баръзѣй невещественный, мисленый ея страдальчески крестъ тутъ вырази умислилемъ, образуячися веществу кресту Христову. Креста Христова матеря ведлугъ церковнаго разумѣнѣя была кедръ, кипарисъ и певгъ. Тыхъ древесъ власности в духовномъ крестѣ мученичиномъ выобразуячися, гди вижу, безъпечъне твержу же: тая девица на кедрѣ, певзи и кипариси сораспяты Христу, жениху своему.

Многи и чудныи суть тыхъ древесъ власности — множайшыи и чудеснѣйшыи суть Варъвари святой добрыи дѣла и страдальческия ея у Бога заслуги. Власности древесъ подьробну вилчати забавно не достанетъ ми времени, повиствующу добрая дѣянїя и мученичскѣя подвиги святой. // (л. 193) Подробну ѣ чести отнюдъ невозможно, по единому теди яковому кождого зъ тихъ деревъ свойство беручи, зъ мужествовными доблей подьвижносцей дѣлами стосуймо въ писми и повиствованѣяхъ: кедрова высота славится, певгова крѣпость почитается, кипарисъ на несказительность повиствуется — все то въ духовномъ житїя и страданѣя святой крести найдемъ.

О высотѣ кедрѣстѣ опрочъ Давыдовой змѣнѣки, чловѣка высокоумнаго и горьдоливаго, превозносящася и висящася, до кедрѣя прировниваючи, пишутъ, [Cornelius a Lapide in Prophetas Ezechiele. cap. 17, v 23], ижъ на певныхъ мѣсцахъ растетъ такъ высоко, же долъгота его будетъ на сто тридцать стоп, а грубость, якъ пяти чловѣковъ обняти. Змѣрати то веществу кедрѣя возрастъ, але (ве)вещественнаго безъмѣренъ, превосходитъ воздухъ, тыкается неба и самага во высокихъ живущаго сягаетъ Бога. Вибачъ ми, святая великомученица, же сия и древесными именованїи дерзну нарицати: кедромъ або кипарисомъ? Не отъ мене то почалося, але

от праотца Давида, который святоблivelyмъ тобѣ подобает в стати певъгом, раз фиником, другий раз кедром титулует: праведникъ, яко финик, процветет, и яко кедр, иже въ Ливани, умножится, ба и самая мудрость Божая въ древесних именованях. Любует у Сираха кедромъ тя высоко-родлым, гди высоту святини твоей, о святая, вижду духовъне, утитулюю. Слушне Диоскоре юной той отроковици, высокую, хоць иннимъ твои замисломъ, выбудовалесь вежу, до помоглесь того тым, любо и не хѣлѣсь, завъчасу, бо з дитинъства, от земълѣ и земных пристрастїй оддалитися, а зблизитися небу, то вже, о святая, з Давидомъ Варъвара бдѣхъ и бых, яко птїтца, особящася назди, есть на здании, на будиньку, на даху. Якъ птѣцѣ бовѣмъ свойственное мешкане возднх, такъ тебѣ горняя: добресь поняла апостольскую науку – вышних ищѣте.

Гди кто высоко на будинокъ любь на древо улѣзет, стоячи доли, питают, що тамъ видно, чи далеко бачит, скажи и нам, о красная девице, з високого столъпа тебѣ видати. Откажет за ней писатель жїтїя еи Дамаскинъ з Метафрастомъ, же бачит мистерное рукъ Божїих дѣло, гори и доли, мудре утворенное. Утишашеся (мовит), смотряй съ высоты на горняя и дольняя созданїя Божїя, на свѣтлость небесную и красоту земную. А еще що дали видно? И от созданїя создателя увѣдати тѣшашеся, чрезъ створенїе доходит и познавает створителя. О, уже бачить ажъ за небо, гди усмотрует самага того невидимаго создателя, вся премудростїю сотворьшаго // (л. 193 об.) невидимая, бо его [Рим.] и от создания мѣра, мовит апостол, творенїми помышляема видѣнїя суть. Завѣстидьтесе тут всѣ мудърци елинъстїи, Плятоны и Арії, и всѣ иннии, понеже разумѣвше Бога, не яко Бога прослависте или благодаристе, но осуетистесе въ помишлѣнѣих своих и омѣрачїся неразумьное ваше сердце, глаголющесе быти мудрыи, обюродисте, истиннаго единаго не познавше Бога. Завѣстидьтесе, мовлю, удивляючїся такъ высокому малой дивїци розуму, которая зъ твари познала творьца, от созданїя создателя увѣдати тѣшашеся. Але не тут терьминъ высоты того мисленнаго кедра, той высокопарной птици, що только розумомъ освѣченньнымъ, высоко же сягнути и познати Бога, гдежъ межи боголюбимыми серафимами, предъстоящими Богови в огнѣ пламенномъ, любовь образуючомъ, абы где залягль разумъ. Такъ любовь стала, а любовь серафимъская, горячая, разъдеженнаго сердца, вышше всѣхъ любви. Тамъ высоты терьминъ, хвалени есть розумъ, поимуючи Бога хвально, цвиченѣ, познанѣ Бога хвальна, богословѣа учащая вѣдати Бога. Але небезпеченьству подылежит з висоты на доль упасти и од Бога отпасти можетъ. Едина любовь божественная падша, не знает любви никогдаже, одъпадает. Видит Исаїя пророкъ двоего лика аггеловъ, люцифера и серафима, един же падает, а другий стоит недвижимо. Падает люцифер [Исаїа 14 глава], спаде с небеси деньница восходящая заутра; стоит серафимъ непоколибимъ [Исаїа, 6]: и серафими стояху. Чему свѣтоносный аггелъ, умъ просвищенный маючи, Бога знаючи совершенно, недольго на неби постояль, упал прудко? Претто же не палаль любовью божественною, яко серафимъ, а серафимъ, втожъ свѣтоносный, же при своемъ освѣщенїю палает любовию къ Богу, предто безъпадежен, що уважаючи еденъ зъ учителей заходньних мовячи [Берънардь, in istus Isaias Locum

ser. 3: caecidit Lucifer ut fulgur de caelo Serafin uero stabat sup. illud. Stat plane Serafin quia maritus nunquam excedit], недосит быти свѣтлымъ аггеломъ, але треба быти и огнистымъ серафимомъ, недоситъ мѣти умъ просвищенный, але и серъдце треба мѣти, любовию божественною палаючее, недосит знати Бога, але и любити его треба, то высота наивышшая и безпечная, падеже не боячаяся, любви не одъпадает в такую высоту. Возрасте духовный нашъ кедр, святая великомученица Варьвара, Бога которого разумомъ досягнула, до того и серъдцемъ прилипилася, которого познала, того и улюбила: «Тебе, женише мой, люблю». Свѣдчит вышъшей спомъненъныхъ авъторовъ история: разъгорися въ серъдци ея огонь любви божественныя и распали душу ея пламенемъ желанія Бога, яко имѣти ей покоя день и ночь, о томъ единомъ // (л. 194) мисляще, того единаго желаючи, еже увѣдати извъѣстно Бога, создателя всяческих; и ниже в единомъ Бози въсею мислюю улюбивъшися бысть, любовь его плиненна, то уже обаче на семъ духовномъ житіи ея крестъ высота кедръска.

Щося тинетъ несказительности кипарисномъ и то въ немъ же лучшимъ способомъ узримъ. Кипарись любо есть несказителенъ, не такъ едънакъ несказителен, абы перетрвалъ тысячныя вѣки, доситъ если колько сот лѣтъ не узнаетъ згноилости. Большую несказительныи въ святой Варвары видимъ доводъ о томъ: преденаныи святыя ея нетѣлѣнныя, въ Києви почивающѣи мощи, а з нихъ и тутъ часть значная персти святыя. О, яко уже долю в несказительности своей триваетъ: пострадала в третестѣ лѣтъ отъ Рождества Христова и уже, яко въ нетѣлѣнѣи почиваетъ, есть коло полтори тысячи лѣтъ, але тии нетѣлѣнѣи честныхъ ея мошей.

Я иду до нетѣлѣнѣи ея дѣвственнаго, а тимъ есть непорочная чистота ея. Приходитъ дивица до возраста лѣтъ брачныхъ, мовитъ ей родитель о веселью, о старающихся и ей приязнь младенца. А она що? Ни чити о томъ хошетъ, — пишетъ история. Цѣломудренъная же дивица Варьвара, слышася не точию такыя отъ отца своего словеса, восплануся лицемъ, стыдящися не точию слышати, но ниже помислити о браци и всячески его отвержеся, не соизволячи воли отчой, тщету бо велію въмянше себѣ бити, еже увидити цвѣтъ чистоты своея къ Богу бити безъцини дѣвства бисерь. Повѣстидися тутъ всетечная молодости и прежде обычныхъ возраста своего лѣтъ дѣвство свое, повъреждающая въ красотѣ знаменитой при достаткахъ великихъ и въ лѣтахъ браку приличныхъ панна, стыдится не точию слышати, но ниже помислити о браци и за шькоду ненагороженную маетъ стратити безъцини дѣвства бѣсеръ, а хтос и за грошь одинъ цноты своей не важитъ, але не моя рѣчь о томъ шѣрити мову.

Дивоватися было треба целомудрыю тоя дивицы и питати, щобы посродъ достатковъ и буяючи о молодости дѣву дивственну и чисту хранити научило, щобы оней юностныя плоти волны и бури укротило и умеръгвило, я бымъ рекль, же то въ ней кипарись справиль, кипарись уста рожитъности былъ образомъ умеръгвления и смерти и въласне то бывало цменътаровое дерево. Кипариси при гробахъ умеръшихъ сажино, овъшемъ того разъ дойдено, же кому съ побожному по смеръги въ гроби лежачому, самъ кипарись с перьси вирось, и трунь кипарисныхъ до погребенія меръгвыхъ заживано, же въ дереву кипарисномъ чрезъ особъную того древа силу трупъ не такъ

скоро починалъ гнити и якобы ставался нетълъненъ. И гди давано кому знакъ о смърѣти, рещку кипарисъную послано в кородънехъ, гди на чиемъ дому витвъ кипарисную въгинено, знакъ то былъ же там умерлъ ктось: кипарисъ смърѣти былъ иероглификъ. Добре же и в крестъ Христовъ // (л. 194 об.) кипарис вложен былъ, бовѣмъ то певъный знакъ умерѣти самой смерти: смърѣти празнуемъ умерѣвшленѣ. Сталожесе тежъ знакомъ и умерѣшленія плоти тыхъ крестоносъцовъ и крестолюбъцовъ, которыи зъ святымъ Ефремомъ молятся вседержителю: «Слово отчее просвити умъ мой свѣтомъ разума святаго Евангелія твоего, душу — любовію креста твоего». Бы тыи хотят ли сораспятися Христови, умерѣтвили уди своя, сущая на земљи, по апостолу: «Всегда мерѣтвостъ Господа Іисуса на тѣли своемъ ношаше».

Тут ворочаюся до моей речи, що въ девическомъ тѣли, празро-жоной вожделѣнѣя, умерѣтвивъши дѣвство, въкоренили кипарис умерѣшвленѣя. Не даст сольгати Дамаскинъ святой, усиченною рукою пишучи о святой Варъвари такъ: «Упразняшесе въ пости и молитвахъ день и ношь, работаючи Господеви своему, емуже и уневистися, обръучивъши дѣвство свое». Соблюсти нескверно: пост, молитва и всещоденная на молитвахъ праца, утружденѣ молодыхъ паненъскихъ члонъковъ — то в насъ справило, же отвержеся брака, предпочте дѣвство, оброчи дѣвство свое; соблюсти нескверно: умерѣшвленіе святое, соблюде нетълънно въ дивическомъ тѣли паненство. Прожно кто иначе хочешъ быти чистимъ, не оточивъшися кипарисомъ морѣтификации плоти изъможденіи, претто кто усилиуешъ угасити въ себѣ пожадливости пламеньъ сластный, в продроскоши поднѣти не откинувъши и жаристыхъ плотогодія углесъ не отъгребъши, умерѣшвленѣмъ святая соблюде дѣвство нетълънно.

Але еще хошу запитати, чтобы сію дивицу до умерѣшвленія тѣла и хранения дѣвства побудило и заохотило, такъже волѣла рачей умерѣти, а нижъ увядати цвѣтъ дѣвства. Безъмало помененный рачей Дамаскин, чи не наменитъ намъ трохи бысьмо остатку самыя домислили, пишетъ такъ: «Святая Варвара крещенѣмъ просвищенна бывше». Множае распалися въ любовь Божію, то певна же где любовь божая, тамъ и дивство нетрудно храниться, где пламеньъ любве божественныя ширится, тамъ огонь пожадливости нищѣет, тратитъ свою силу и въконецъ гаснет, проба того не тилько на неузнавъшихъ еще гриха, але и на привыклыхъ уже грехови. І евангелъская явнѣо грѣшница у болоти нечистотъ ношию зануренная, скоро възни тѣла въ серъдцу своемъ огонь любве божія, возлюби много, оразъ такъ въ ней всѣ пожадливости угасися и слѣду въ ней гриховнаго не остало, отпушаются грѣси ея мнози. Если то явнѣо грѣшницы любовь божая чистоту якобы справуетъ, що въ невинной паненъци, в цѣломудренной дивици, то ея то ради божія любве. Святая Варвара дѣвическое свое тѣло, якъ кипарисъ // (л. 195) несказительный, никоеуже нечистотою повѣрежѣденно заховала, якъ бы мовячи: «Тебе, женише мой, люблю и тебе, любящи, храню мое дѣвство нетълънно». Любовь ю до хранения дѣвства побудила и заохотила, по крещеніи множае распалися въ любовь божію, нужъ до власности певъговой. Що бы то было? За древо певъгъ мни истольковисномъ Письма Святаго: въместо певъга финикъ

кажут, а простыи кажучи пальму. Чи то едньо певъгъ и пальма? Чи тежъ себѣ щос подобно? Досит же опрочъ еднього Дамаскина, певъгъ мовячого, всѣ згодне твердят, же в крестѣ Христовомъ зъ кедромъ и кипарисомъ былъ финикъ, то есть пальма, древо триумфальное, на знакъ Христоваго надъ смертъю и дияволомъ звитязьтва.

З многих однього поважнаго во свидетельство — s. Киприяна [citatur a Cor. A Lapide in Mat. Cap. 27, v. 35, fol. 535 NB], мовячого такъ: «Возъшелъ еси Господи на финикъ» [ascendisti Domine palmae], яко то креста твоего древо прознаменоваше торжество надъ дияволомъ или надъ началами и властями, и не чистотати духовную побѣду и бѣху въ руку твою два рога, въ нихъже бяху крѣпость твоя сокровенна и власть на рами твоимъ. То тут тотъ святой выражне финикъ, то есть пальму мѣсто певъга споминает. Ба и мудрость Божая у Сираха уподобляющися кедрю и кипарису, тамъже и пальмомъ въкупи уподобляется [глава 24]. Мовит, бовѣмъ, яко кедръ вознесохся въ Ливани, и яко кипарисъ на горахъ Аеръмоньскихъ, и яко финикъ вознесохся на примори, за певъгъ теди кладучи финика. На единомъ зъ власности его позрѣмо. Повидает о немъ естествословецъ [Plutas et aliis a Cor. Citat. in Escohius cap. 14, fol. 26 et лист 116 20 A]. Въ подвишихъ финикъ знаменемъ быти обыче побѣди, понеже естество того древа есть, яко налигающимъ и премагающимъ, не повинуется. Вложи тяжать на его коле, онъ не к удолю нахимається, але въ гору барзѣй въспинает. Надарѣмо и въ неби колько кротне вѣдино святыхъ мученикъ зъ пальмами триумфующихъ и финики в рукахъ ихъ, же налигаемъ и премагаемъ имъ бывшимъ от мучителей, не премогашася, ни повинушася, ны дольными прельстишася, но горныхъ взыскаша.

Теперь же на мислинный нашъ финикъ, святую Варвару, на тую духовную посматрѣмо. Налигаєт на ню вѣласный отецъ, не отческимъ сердцемъ, але звѣрською лютостѣю, за власи влачиши, ногами попираючи, хотячи ю наклонити ку земль житейскихъ страстей, а она высъпъ мысли мает, не прилипе земль душа ея, але до Бога, мовит: «Прилипе душа моя по тебѣ, мене же прият десницо твоя». Налигаєт на ню игемон Мартиянъ тяжкими бременями, ово бременнымъ бременемъ лѣстивнаго плясканія, ово люто прешъшенія, обременяет ю веригами желѣзными, тяжкими оковами, хотячи до бездушныхъ своихъ наклонити идоловъ, а тая пальма непреклонно и непоколебимо къ единому истинному Богу възирает и всѣ мужественно терпѣть муки, за апостоломъ протестующися: «Кто ны разлучит от любви // (л. 195 об.) божья: ни огонь, ни мечъ, ни инная твари, ни настоящая, ни будущая». Признать мужество и великодушье въ немилостномъ естествѣ и слабыхъ дивическихъ члонкахъ. Такъ гди Варвара святая житиемъ своимъ, высокими и многими страдальческими подвигами власности крестныхъ древесъ, кедря, кипариса и певъга, альбо пальмы, въ себѣ изобразила, безъпечне мовлю, же на кедрю и кипарису, и певъгу, албо пальми, древесяхъ духовныхъ сораспятся Христови. «Тебе, ищущи, стражду и сораспинаюся съ тобою».

На крестѣ Христовомъ была титла написанная «Иисус Назарянин, etc». Яко достовѣрны повиствуют: «На дощъчецьци масличной, то есть оливной». Годится и на духовномъ страдальческомъ крестѣ Варвары

святой титулу положити на дъщице масличной. Дщица масличная на крестѣ Христовомъ была знаменіем примира, покою, ижъ Христось Господь крестомъ своимъ и страданьми примирилъ челоуѣка Богови, по писаньному: «Той бо есть мѣрь нашъ, сотворивы обоя едино». Умѣет и святая Варъвара гди зъ Богомъ еднати, смирити и ходотайствующи о них, имѣючи тую себѣ од Бога благодать данную. Же кто къ ней притикает под еи засѣтупленіе, тому недопуститъ нечаянную смертъю безъ исповиди и причащенъю пречистых таин изъ свѣта съходити. Олива знаменіе есть милосердіа. Не безъмилосердіа есть тая, которая кожъдому, еи възывающему, на помощь есть готова. Олива знаменіемъ есть мудрости. А ктожъ мудрѣйши над сюю дѣву, которая со свитильникомъ своимъ украшеннымъ вниде въ черътогъ жениха Господа своего. На дъщици крестовѣ би написано еврейски, гречески и римьски, мы нашимъ языкомъ тебѣ, о святая, на дъщици славной твоих намъ милосердныхъ добродѣйствъ, не такъ перстомъ, якъ любовъю надписуемъ титулу и оразъ усти и серъдцемъ ю читаемъ: «Варъвара мученица, невѣста Христова».

Варъвара, имя тое, да согласуетъ перьвой титулы Христовой имени еврейскому — Иисусъ: «Наречется имя Иисус, той спасет люди своя от грѣхъ ихъ». Спаеши ты, о Варъваро, своихъ подькровъниковъ, укладающихся за ними предъ маестатомъ божимъ. «О имени Иисусови всяко колѣно, etc». По всѣхъ тыхъ странахъ и твое имя славно. Славно имя твое на небеси, бо славно устънами самаго Иисуса и записано въ книгахъ жидовныхъ, и записано навѣки. Мовит Господь [Арос., 3]: «Побиждадай, той облечется въ ризи бѣлы, и не видимажу его зъ книгъ животныхъ. Исповѣмъ имя его предъ отцемъ моимъ и аггели его». Славно имя твое и на земьли, въ церькви воуюющей, котороюсь кровію своею украсила, вѣрою утъвердила, чидами розширила и огородила. Чудеса святой — мученик стѣна необорима, молитвами въсперла и въпирает и въпирати до коньца будеть. Славно бо страшно имя твое, и преисподьнимъ бо духи лукавыя от челоуѣк прогониши.

Другѣй титул «мученица» согласуетъ другой титулы Христовой — «Назарянинъ», якъ бо вѣмъ Назарянинъ толькуется цвѣтнй. // (л. 196) Такъ мученица цвѣтна чистотою, цвѣтна мученическими ранами. Дѣвствомъ цвितеть, яко лилия, кровію за Христа вылянънею. Цвѣтъ, яко черъвоная рожа, и по смеръти тѣло ея святое цвितетъ чудами и нетлѣниемъ. «Процвѣтите плоть моя», — Христосъ не усти, але самую вѣрою мовит.

Трети титул «невѣста» да согласуетъ третьей титулы Христовой — царь. Шожъ согласнѣе, яко царь и царева невѣста. Царь сидит на престоли своемъ, и царева невѣста тужъ при немъ мѣсце свое мает. Побѣждающему мовит: «Дамъ сѣсти на престоли моемъ».

Четвертый титулъ четвертой титулы Христовой нехай коресъпоньдуетъ Христова юдейски И.Н.Ц.И. — Варъвара мученица, невѣста Христова. Христось, спаситель нашъ, нагъ на крестѣ распятъ, нага и невѣста Христова, сораспятъ Христу, жениху своему. Разъсовѣлекъшеся въсего пристрастѣя земнаго, мирьскихъ не прилагашебося серъдце ея (мовит о ней Дамаскинъ) ни ко чему же земному, ниже любяше злата, ни многоцѣнныхъ маргарѣтовъ и каменей дражайшихъ, ни украшенъя разна-

го, ни ких либо дивических утвари, ниже о браци когда помисли, повь-
торе — и ненѣдзныя одежди совлеченна бывъши. Повелѣ игемонъ святую
Варьвару на большое ея посрамьленіе нагу по вьсему граду водити съ пору-
ганиемъ, пхающе и биюще, на позорь аггеломъ и челоувкомъ. Христа Бога
нашего, на крестѣ висячого, Пресвятая Дѣво мати покриваломъ пречистыя
своя главы нѣкую наготу часть окрила, наготы святой Варьвары, стражду-
щей, сораспинающееся Христови, самъ Христосъ покровъ объмышляет.
Так пишется въ гисторыеи, абие Христос Господь, иже со вьсѣми святыми
своими аггели на подвигъ рабы своя смотривъше, ускори съвышъше
на помощь еи и аггела свѣтла къ ней посла со свѣтовидною одеждою,
да покріе наготу ея. «Христу распеньшися, тма бысть по всей земьлѣ, со-
распинающаяся ему со своими страданьми святая достъ узнала темьности,
въ темьницу воверъженна бывъши». Тут Златоусте святой, що речешъ о
темьници страдальческой? Мовишь ты о святом апостоли Павъли [по 8 in
effesom. 4]. «Не тако ублажаю Павъла, яко въ рай восхищенъ бысть, якоже
зане въ темьницу воверъжень бысть. Не тако ей блажу, же не слиша неизъ-
реченныя глаголы, яко зане претерпе юзи. Ублажи святой и сію таковымъ
же блаженствомъ узницу Христову, въ темьницу за Христа воверъженъну
бывшу, мовит: «Аще въ гоненіи вьремена былъ бых азъ, тогда на зиницах
моих положилъ бых вериги Павъловы и не престалъ бы облабизаяя руци,
сподобьльшися за вьладыку моего вязатися». О гди быхъмо и мы были
в тьи часы и предъстояли тебѣ въ узахъ и темьници, о святая Варьваро?
Не престались бисьмо облобизати руци твои, за Христа связанные, нози
твои, веригами обложенные, на зиницах // (л. 196 об.) наших положили-
бисьмо их блаженых ужъ, Златоустимъ мовьлю о блаженыхъ рукъ, яже
украши верига за Христа. Христосъ Господь, на крестѣ распятый, докон-
чивъши своих страданій, рекъ: «Соверъшишася». А сораспинающаяся ему
страданіи невѣста его, якоже мовит «Соверъшишася»? Не словами, але са-
мымъ учинькомъ мовит то, що написанно соверъшение закона любви есть,
соверъшенную любовь дѣломъ вьсконывает, якъже душу полагаетъ за
Господа своего о заправѣди. Любовь то соверъшенная, больше сея любье
никтоже имат. Да кто положит душу свою за други своя — соверъшишася.

Под крестомъ Христовымъ малованымъ, або на древи и крисьцахъ
выражованнымъ, або на гафьтахъ выражоннымъ обычно вѣдаеть нѣкую
трупную чи то ада мову, чи кого инного голову, жебы на головѣ подь
крестомъ кедьровымъ, кипариснымъ и певъговымъ Христовымъ голо-
ва якая лежала. О томъ нѣтъ письма до подобенства. Едьнакъ бы то было
мѣсце тое, на которимъ злочиньцовъ трачно «Иисусъ Христа Господа яко
злочиньцу» (аще бы, слушатели, мовит небы сей былъ злодий, не быхомъ
его тебѣ продали). На тымъже мѣсцу о смерти, отколь пишется и собезза-
конники вьминихся, могла теди и не одна тамъ давно потрачоныхъ людей
голова трупова валятися, ба и сама голова зовется мѣсто лобно, якобы то
былъ единъ лобъ яковогось гиганъта. В сей день декавьрья четвьвертьтый,
въ который усичеса честная глава святой великомученицы Варьвари,
гди сей къ тнымъ обхожденіемъ прилучился день пятковый крестный,
твержу то, же под крестомъ Христовымъ святая Варвара положила днесъ
свою главу, полегла подь короговою крестною, за Христа воуючи, низько

то кресту Христову, аж до самой земль, усиченною своею главою поклонилася. Поклонилася на мѣсти, идѣже стоясти ноzi ею, поклонила подьножію ногу ея, яко свято есть, не мѣла, где головы въ сем свѣти приклонити. От матки и то елиньки в дитинѣстви осѣротѣла, зѣ дому власного за власи вытягъненна, од любьвы родительской оддаленна и од тогожъ самого отца на смерть выданна. Под крестъ теди Христовъ приклоняется, тутъ главу свою покладает, крестъ збобит главы царьскѣ, на коронахъ под крест и святая Варьвара несет главу свою, бы была приоздобленна въ царствѣи небесномъ, подъ крестомъ соверши подьвигы страданія, даючи свидительство же во въсемъ житіи своемъ: крестъ любила, за крестъ страдала, кресту сорасъпиналася и за крестъ умеръла. «Тебе люблю и тебе, ищущи, стражду» – славная въ письмѣ своемъ.

Иудейка люду израиьскаго Девора [Юдифь, 4] мѣла свое мешъкане в жизни сей под единым пальмовым деревом, // (л. 197) которое для ней Деворою звано – сия живяше под финикомъ Девориномъ, же подъ пальмою Девора жила и умеръла, предто и пальму тую названо. И твое святое имя, о Варваро, написавъ бывъ на пальми крестной, босъ всю жизнь свою под крестомъ мѣла: въ непрестанных молитвахъ и постахъ крест, въ храненіи дѣвѣства крест, въ лоподныхъ словахъ отчих, до суети мирской намовляющихъ, крестъ, въ гнѣви и ярости его крест, въ гоненѣи крест, въ темници крест, (в гнѣви и ярости его крестъ), предъ нечестивымъ судищемъ крест, въ ранахъ крест, въ безъчестіи и поруганіи крест и въ самой смерти крест – вся жизнь, ажъ до конца, была под крестомъ, слушна теди, и такъ ей крест Варьварою утилиовати, яко Деворою пальму. Звали пальму Деворою, але Девору пальмою звати было вольно, такъ для еи подъ пальмою мешъканя, яко и для славнаго еи надъ неприятелемъ израиьскаго триумфу. Не згрешу, святая страстносица, гди и тебе самую единымъ крестомъ титулуу, такъ для твоего подъ духовнымъ крестомъ мученическаго житія, яко и для твоего приславнаго надъ мучительнымъ и невидимыми духи торъжества и побѣди. Ты тыхъ перуномъ зѣ неба поражаешь, а оныхъ далече прогонишь и, яко вѣтръ, прахъ от лица земль възьмитаешь.

Сорасъпеньшойся уже Варьвари святой Христу, жениху своему, за него и душу свою, и главу свою подъ крестомъ положившой, шею оставъ дали, оставъ, дабы вѣходила въ славу небесную прѣяти винецъ себѣ побѣдныи зѣ триумфомъ, яко тако подабаше пострадати святой Варьвари и вѣннити въ славу, одъ подьвигоположника Христа еи зъготованную, которая уже въ ранахъ еи, за Христа подятыхъ, блистает. Видалъ въ нихъ небо, есьли бо вено Златоустъ узи за Христа надъ небо прекъладеат: изъволилъ бы узъникъ быти Христа ради, неже на небесехъ жити (in Epheos cap. 4). Далекъ барзи подъяти за Христа раны естъ рѣчь от неба дорожъшая, въ ранахъ ея святыхъ самое емъпирейское небо видит, гди въ нихъ божиущаго вѣривъ, альбовѣмъ Господь Богъ въ любящихъ его мѣетъ мешъканіе. Ажъ и Отцу прииде, в ны и обитель сотъворивый, и ели въ любящихъ только серъдцемъ далекъ баръзей, въ любящихъ самымъ skutкомъ справедливыи мзди въздаятель чинячи слушныи подѣлъ заплати слугамъ своимъ, хто чого годенъ: давъ нищимъ духомъ царство небесное, кроткимъ землю, плачимъ утишенѣе, альчущимъ насиченѣе и инымъ инна,

а любящимъ его далъ себе самого. «Приде вы, — мовит, — со Отцемъ з емъпѣрейскаго неба, вѣставши до него». Приде и заложилъ въ немъ свое мешъканіе, обитель у него сотворивый. Где жъ въ сердъци любящимъ? Если въ сердъци любячомъ Богъ, далеко барзѣй въ ранахъ болѣзненныхъ, любве ради Божія подъятыхъ, Богъ любитъ жити в ранахъ твоихъ. О страшно сице, Богъ в Троици, котораго съ // (л. 197 об.) тремѣ окънами баньми усмотрила, свое заложилъ мешъканѣе въ свою обитель з ранъ твоихъ. Уже (нетеле- сными Христоръ еще очима) видимъ твою славу, видимъ твою заплату, якъ бовѣмъ много утерѣпѣлась безъчестныхъ от мучителей словъ — такъ мно- го нынѣ од Христа одъбираешъ похвалъ, якъ много подвиговъ — такъ много почести, якъ много ранъ — такъ много винъцовъ. Исходже уже мудрая дѣво вмѣсто тельца кровъносящаго, а сердцемъ любовнымъ палающая и свитящая мученическими добротами. Исход во стритеніе жениху своему, тебѣ въ стритеніе зъ небесъ исходящему, и то ты лики святыхъ востритаютъ, мученическѣе витаютъ польки. Святая первомученица Фекла во перъ- выхъ даетъ ти руку, апостолы, яко мученицу ты, выи ты хвалятъ, святителіе, яко жертву богоприятну, Богови пожержшуюся, почитаютъ, отци пре- подобныи, яко дщеръ вышняго, ублажаютъ, дѣвы, яко дѣву чистую, ты радостію объемлютъ, аггелстии собори, яко невѣсту ты Христову, окружаютъ, херувѣми Бога виданію твоему удивляются, серафими пламенногоря- чой любви твоей чудятся — все множество небесное въ черътогъ ты пресвѣтлый украшенный проводитъ, самъ женихъ твой возлюбленный любезными словы привитьствуетъ: «Со мною буди во царствіи моемъ, вѣниди въ радость Господа моего». Пречистая преблагословенная Дѣва со святымъ Іоанномъ под крестомъ стоявѣши — тыи между собою даютъ ти мѣсто, зъ чого ясный есть доводъ жди во святомъ семь храми, где между иконою пресвятыя Богородицы и святымъ Іоанномъ Богословомъ маешъ ото свое мѣсто, а хтожъ же и въ неби межи ними жъ хвалебно мѣсто одержалась, яко тамъ, которая жизнею своею страдалъческою кресту была привязана.

РНБ, Q.I.269, л. 191–197 об.